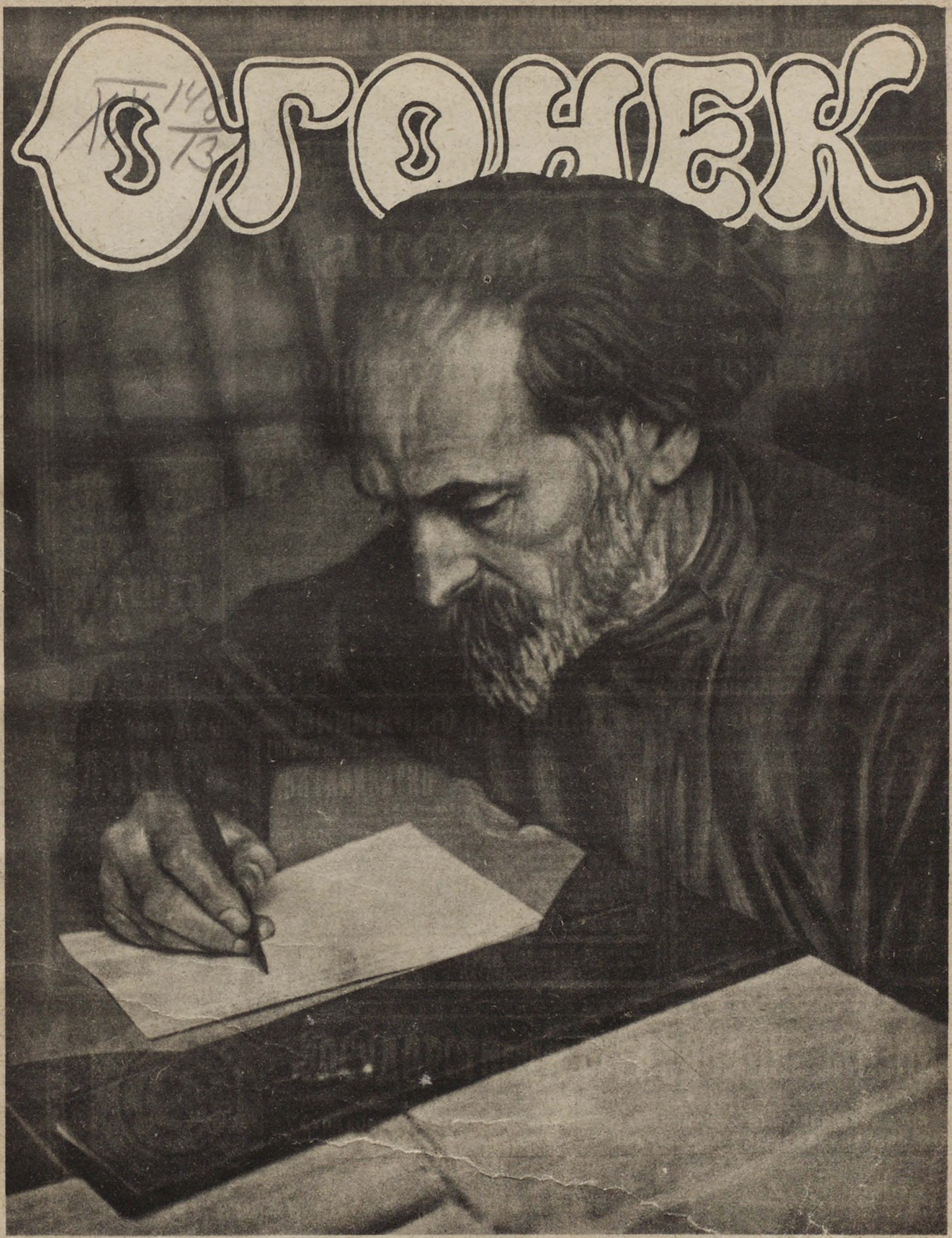
№ 11 (259) Шестой год издания. Цена в Москве, провинц. и на ст. ж. д. 10 коп.

ОГОНЁК



У КОЛЫБЕЛИ ПАРТИИ

30 лет назад, 14 марта (по новому стилю) 1898 г., в Минске был созван первый с'езд социал-демократических организаций. На с'езде создается партия, получившая название—Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Впоследствии, в 1903 г., отбросив соглашательские меньшевистские элементы, партия переросла в партию большевиков, организовавшую рабочий класс для победы над отечественной буржуазией и приступившую сейчас к строительству социализма на шестой части земного шара.

На снимке: тов. Б. Л. Эйдельман, член ЦК после первого с'езда. (Статью Эйдельмана смотри в номере).

Снимок С. Фридлянда.

УЧИТЕСЬ ТОРГОВАТЬ КУЛЬТУРНО!

БИБЛИОТЕКА РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ (52 вып.)

В ИЗДАНИИ ЦЕНТРОСОЮЗА

дает завед. магазинами и работникам прилавка ценные знания по сортоведению, товароведению и торговле.

Галантерея, трикотаж, белье.— Завьялов, Н. Ц. 80 к.
Фармацевтические и парфюмерные товары. — Зеленков, В. Ц. 60 к.
Лесные строительные материалы и дрова — Вол-Рабинович, Г. Ц. 60 к.
Законодательство о розничной торговле—Гаврилэнко, К. Ц. 1 р.
Масло, сыр. — Краевский, М. и Гаркунов, В. Ц. 45 к.
Кондитерские товары. — Власов, А. Ц. 50 к.
Семена. — Клейменов, П. и Гольц-Гауэр, Ф. Ц. 55 к.
Игрушки и художественные изделия.—Борунький, В. Ц. 70 к.
Яичная торговля.—Цвейтов, Д. Ц. 50 к.
Шорный товар.—Бебешин, В. Ц. 1 р.
Перевозка и хранение товаров.—Краснов, Н. Ц. 50 к.
Искусственные удобрения. — Ростовцев, П. Ц. 65 к.
Охотничье оружие и огнеприпасы.—Сатинский, В. Ц. 75 к.
Оконное и зеркальное стекло — Аранович, Г. Ц. 35 к.
Фураж.—Плотников, И. Ц. 45 к.
Садовый и огородный инвентарь.—Боднарский, А. Ц. 35 к.
Свежие фрукты. — Вишневский, П. Ц. 65 к.
Счетоводство в розничной торговле.—Проф. Филимонов. Ц. 75 к.
Мануфактура. Товароведная часть. Шелихов, Н. Ц. 1 р. 25 к.
Мануфактура. Торговая часть.—Лобачев, Л. Ц. 90 к.
Спортивный инвентарь. — Сатинский, В. Ц. 60 к.
Деревянная тара.—Яковлев, А. Ц. 85 к.
Обувной товар. — Мухин, В. Ц. 65 к.
Меховая торговля.—Рогаткин-Ежиков, Д. Ц. 50 к.
Розничные предприятия и их операции. Натансон, Г. Ц. 1 р.
Щепные товары.—Яковлев, А. Ц. 70 к.
Молоко и молочно-кислые продукты.—Гаркунов, В. Ц. 50 к.
Чаеторговля.—Катц, К. Ц. 1 р.
Рыба.—Пранильщиков, И. Ц. 50 к.
Нефтепродукты.—Дроздов, С. Ц. 75 к.
Сухофрукты.—Дорогунцев, Г. Ц. 85 к.
Виноградные вина, коньяки, водки и минеральные воды. — Петров, В. и Шустов, С. Ц. 40 к.
Посудно-хозяйственные товары.—Нетунахин, А. Ц. 85 к.
Готовое платье и головные уборы.—Семенов, С. Ц. 55 к.
Качество товаров. Часть I.—Соболевский, В. Ц. 1 р. 30 к.
Качество товаров. Часть II.—Соболевский, В. Ц. 1 р. 25 к.
Спички, табак, махорка.—Картавцев, П. Ц. 50 к.
Калькуляция и анализ расходов в розничной торговле. — Брендстед М. и Бубнов, И. Ц. 75 к.
Лабазные товары.—Бубнов И.
Макароны.—Власов, И. Ц. 80 к.
Железно-скобяные товары. — Иванов, П.

Вся библиотека (52 вып.) высылается за 18 рублей.
Высылка производится наложенным платежом без задатка.
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: **Издательскому Отделу ЦЕНТРОСОЮЗА** Москва, Б. Черкасский 17/1.

ДОМАШНИЕ и КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.

Серия „А" Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
„ „Е" „ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
„ „Б" „ 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
„ „В" „ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„ „Ж" „ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылается не менее 3 шт.)

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ напишите на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) **пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.**

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО **КОПИРУЧЕТУ**

карточному методу, упрощени. книжн. учету В. Н. КИПАРИСОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СЧЕТОВОДСТВА

Дефинитив: шахматная форма, формы Мюхта, Петрова и др.
Книга снабжена массой образцов, схем и рисунков.
Стр. 264. Цена 1 р. 95 к., с пер. 2 р. 25 к.
ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ: **ИЗДАТЕЛЬСТВУ НАРКОМТОРГА СССР.** Москва, Новая пл., 10, пом. 28 ОР

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СЛОВАРЬ по ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ

Составили: **К. А. БЯЛЕЦКИЙ, З. Г. КУЛЬМАН, М. П. ПОТЕМКИН, И. Н. ХИБАРИН, А. А. ЯКОВЛЕВ**
под редакцией
Э. КОЛЬМАН

В словарь вошли следующие дисциплины: антропология, астрономия, биология, ботаника, геофизика, геология, горное дело и металлургия, зоология, метеорология, минералогия, палеонтология, почвоведение, химия, физика, физиология и ряд других отраслей естествознания.

Словарь содержит 592 столбца убористой печати, 300 рис. и чертежей, 10 таблиц и карт, а также **список литературы для самообразования.** Руководящие статьи снабжены указателем литературы для **самостоятельной проработки.**

Цена в прочном переплете **3 руб. 50 коп.**

Высылается наложенным платеж.

Почт. отд. изд-ва
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
Москва, Центр,
Моховая ул., 24. Отд. 3.

НОВАЯ КНИГА

ОПЛАТА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Действующее законодательство.
I. Постановления ЦИК и СНК СССР. II. Извлечения из гражд. кодекса РСФСР. III. Декреты ВЦИК и СНК РСФСР. IV. Постановления, инструкции, циркуляры и разъяснен. Народных Комиссариатов РСФСР. V. Местные постановления Московск. и Ленинградск. губ. VI. Судебная практика Верхсуда и Мосгубсуда и др. **С приложением** полного алфавитно-предметного указателя. **Н. И. БРОНШТЕЙН.** Ц. 2 р. 25 к.
Иногор. высыл. наложен. платежом.

Кооперативное Изд-во
ПРАВО и ЖИЗНЬ,
Москва 34, ул. Кропоткина 17/1.

„СОВЕТСКОЕ ФОТО"

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА и ФОТО-РЕПОРТАЖА.

ВЫШЕЛ (Март) № 3

МНОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХ ФОТО-ИЛЛЮСТРАЦИЙ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ.

Цена номера—50 к.
ТРЕБУЙТЕ
во всех газетных киосках.
№№ 1 и 2 разошлись без остатка.

Подписка принимается только с № 3-го до конца 1928 года (на 10 месяцев)—за 4 руб., с приложением „Фото-Альманаха"—5 р.).

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ:
Москва 6, Страстной бульвар 11
Акц. О-ву „ОГОНЕК".

„Секаровская Жидкость"

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ

ПРИГОТОВЛЕННАЯ ПО СПОСОБУ ПРОФЕССОРА Дра БЮХНЕРА

ЦЕНА ФЛАКОНА 2 р.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ СССР

ПОЧТОЙ ИЗ ГЛАВНОГО СКЛАДА ВЫСЫЛАЕТСЯ НЕ МЕНЕЕ 6-и ФЛАКОНОВ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА 25%. ПЕРЕСЫЛКА И УПАКОВКА ЗА НАШ СЧЕТ

ВРАЧАМ ДЛЯ ИСПЫТАНИЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ GRATIS

МОСКВА ул. ГЕРЦЕНА №5

ЗАКАЗЫ ПИСЬМА и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА **„Гален-Москва"** Отд 110

НОВАЯ КНИГА

ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

САМОУЧИТЕЛЬ

всех ремесл в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл., кузнечн., слесарн., паяние, лужение, никелиров., овчин., мылов., веревочные, крахмал., зеркал., обувн., гончарн., печн., малярн., штукатурн., изготовл. радиоприемников. 148 рис

Цена с пересылкой **3 р. 50 к.** Можно посылать мелкими почтов. марками.

Книжный склад
„КНИГОВЕД"
Москва, 19
ул. Герцена 22/25.

СЧЕТЧИК

по котор. кажд. может в неск. секунд произвести любое умножен., деление и вычисл. %% (40 табл.) 1 экз. высыл. по получ. 65 к. (почт. марк.). Нал. плат. не менее 3 экз. ЛЕНИНГРАД, почт. ящ. № 57—ж, автору **Н. Пискаревскому.**

„ГОТОВЬСЯ в ВУЗ"

ПОСОБИЕ ПО ПОДГОТОВ. в ВЫСШ. УЧЕБИ ЗАВЕД. (Обществов., Русск. яз., Математ., Физика) Кажд. подпис. может подготовиться на дому к испытан. в любой вуз. Все изд. состоит из 6 книг. I и II вып. вышли и высылаются. III вып. выход. 20/II. Услов. подписки: За 6 книг — 11 р. Доп. рассрочка: при подп.—3 р. и остальн. налож. платеж. на 1, 2 и 4 вып. При высылке 11 р.— Пересылка за счет Изд-ва. Проспект „Гот. в Вуз"—бесплатно. Заказы и деньги, переводы направл.: Москва, 19. Воздвиженка 10. Изд-ву „Работник Просвещения".

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!
НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ЛИТЕРАТУРЫ и ИСКУССТВА

Читатель и писатель

Ц. отдельн. номера 10 к. Подписн. цена на ОДИН год—4 р.

С ПРИЛОЖЕНИЕМ собрания сочинений **Максима ГОРЬКОГО** в 36 книгах—цена 22 р.

Подписка во всех магазинах ГОСИЗДАТА.

Д¼ 140/73

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 11 (259). 11 марта 1928 г.

ПРАЗДНИК ВООРУЖЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Снимки *С. Фридлянда.*

Штаб Рабоче-Крестьянской армии.

Боевой товарищ.

На торжественном заседании Московского Совета по случаю десятилетия Красной армии тов. И. В. Сталин говорит: — ...Наша армия есть единственная в мире, которая имеет сочувствие и поддержку со стороны рабочих и крестьян всего мира. В этом ее сила, в этом ее крепость. Первая и основная особенность нашей Красной армии состоит в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата. Вторая особенность нашей Красной армии состоит в том, что она, наша армия, является армией братства между народами, армией освобождения угнетенных народов, армией защиты свободы и независимости народов. Третья особенность Красной армии состоит в том, что она воспитывается в духе интернационализма, в чувствах интернационализма...

Перед фронтом красных войск.

Резерв Красной армии.

На тачанках.

ДОКТОР ШТРЕЗЕМАН

Политический силуэт германского министра иностранных дел.

Двадцат пять лет тому назад молодой доктор экономических наук размышлял над тем, какую тему ему избрать для своей докторской диссертации. Он блестяще окончил университет, но отнюдь не намеревался посвятить себя наукам. Как человек практического склада ума, он обращал свои помыслы на подыскание теплого местечка. Женитьба на дочери крупного промышленника указывала ему дорогу к тяжелой промышленности. Он решил сделаться „синдиком", т.-е. поверенным какой-нибудь промышленной организации. Такая должность, хорошо оплачиваемая, была свободна у саксонских пивоваров.

Густав говорит...

Молодой доктор избрал темой своей докторской диссертации „Экономические и моральные премущества торговли пивом в бутылках над торговлей таковым же в разлив". В диссертации изображается, как уважающий себя германский бюргер, вернувшийся с работы, пьет пиво, и посему вечерком посылает за ним в ближайший кабак свою прислугу с традиционным жбаном. Молодая девушка вечером на улицах большого, а то и столичного города подвергается искушениям, могущим подвергнуть ее нравственность большой опасности. Другое дело, если покупать пиво в бутылках! Оно может храниться в кладовой, и вечером не приходится никого посылать за ним в кабак.

Диссертация понравилась профессорам „оригинальностью темы, глубиной научной мысли и высоким нравственным уровнем". Молодой доктор был осыпан похвалами, а союз саксонских пивоваров за честь почел дать свободное место своего синдика доктору Густаву Штреземану, автору изложенной диссертации. И саксонские пивовары не просчитались. Штреземан ревностно защищал их интересы перед всякими правительственными и парламентскими инстанциями. Его пытливый ум быстро выяснил возможности об'единения саксонских промышленников. Соответствующий мощный союз был создан под его руководством, и уже в 1906 г. деньги промышленников и собственный ораторский талант приводят Штреземана на скамьи рейхстага. Он сидит, конечно, в рядах национал-либералов, партии молодого германского империализма.

Молодой талантливый политик быстро становится популярным. Он имеет качества, очень редкие у германских политиков. Штреземан умеет на-лету схватить действительность, вмиг переварить переживаемое и сообразить, что надо сделать в данной обстановке. Твердые принципы, традиции и ходульные слова ему чужды. Он—жизнерадостный и здоровый человек—хочет пользоваться всеми благами жизни. Всякие помехи кажутся ему маленькими, и своим неувядаемым оптимизмом умеет он заряжать все свое окружение. При этом все тайное становится у него явным, ибо он не понимает, почему люди, считающие себя государственными мужами, секретничают, когда так приятно и пикантно за кружкой пива и хорошей сигарой откровенно поболтать, именно поболтать, о высоко политических материях.

Мировая война открывает перед Штреземаном огромные перспективы. Руководство национал-либеральной партией ускользает из рук больного вождя Бассермана и все больше переходит к Шреземану, опьяненному кажущимися успехами германского милитаризма и сочиняющему одну аннексионистическую записку за другой. Нет такого уголка в мире, богатого сталью и рудой, углем и нефтью, который не казался бы Штреземану, с его волчьим империалистическим аппетитом, необходимым для блага отечества. В последний год войны умирает Бассерман, и Штреземан становится вождем партии.

Разгром Германии ни на минуту не обескуражил Штреземана. Он, пожалуй, раньше других понял, что побежденным надо кричать о братстве народов, и постучался в дверь только что образованной демократической партии. Но демократы Штреземана не приняли,—о чем они жалеют до сих пор,—и ему пришлось в уповании на лучшие времена на средства старых знакомых из тяжелой промышленности образовывать народную партию, достойную преемницу национал-либеральной партии.

Штреземану, вождю партии разбитых, первое время приходилось молчать не столько из скромности, сколько из гордого сознания, что всякому овощу свое время, и с надеждой в вечно юном сердце, что после вильгельмовского империализма придет республиканский неоимпериализм.

Время Штреземана пришло в октябре 1923 г., когда зашаталось все здание германской республики. Штреземан заговорил с Антантой откровенным языком. В канцелярии канцлера, где когда-то Бисмарк надменно принимал послов великих держав, а Штреземан дрожал от ужаса, что его оттуда ежеминутно могут выгнать вооруженные отряды германского пролетариата, призвал он к себе в сырую октябрьскую ночь представителей мировой печати. Мир не слышал более патетической речи, ибо устами Штреземана говорил класс, испугавшийся железных шагов рабочих батальонов, о которых когда-то пророчествовал Лассаль. „Поймите вы, что не могу я, когда восстает пролетариат, посылать за каждым шутцманом на его квартиру, как это мне предписывает Версальский договор. Помните, что для борьбы с врагом внутренним мне нужны сидящие в боевой готовности в казармах полицейские войска".

В своем саду.

Теперь он произносит другие речи, полные задора молодого германского неоимпериализма. Он говорит в рейхстаге, на больших митингах и в тесном кругу слушателей—журналистов и политиков. Его приятно слушать. В отличие от многих своих буржуазных коллег он часто щеголяет от кровенностью. Его языком управляет не только огромный ораторский талант, способность упиваться ритмом своей речи, но и жизнерадостное сознание полноты сил, от имени которых он говорит. Он ставил ставку на германскую тяжелую промышленность, он вырос вместе с ней и пока выиграл эту большую ставку. И ему непонятно, как могут люди не любить жизнь, рваться в бой против нынешнего строя, когда жизнь при капиталистическом строе так хороша.

Штреземан мечтает быть освободителем Германии от Версальского договора. Он хочет быть тем ее государственным деятелем, который выведет французские войска из прирейнских провинций и разрубит все узлы репарационного вопроса. По пятницам на приемах у „прессешефа" имперского правительства он обыкновенно дает журналистам ответы на вопросы повседневной политической жизни. И от пятницы к пятнице можно проследить, как все вырастает Штреземан, ибо все веселее и задорнее становятся его ответы. Все меньше употребляет он такие громкие слова, как „цивилизация" или „культура". Все сильнее звучит в этих речах и репликах словечко „Германия".

На улице.

Штреземан не принадлежит к числу твердолобых буржуазных министров. Это классовый враг, но всегда готовый пойти на компромисс, дележку, всегда готовый помириться на меньшем, чем он запросил.

Готовность сказать то, что есть, иногда причиняет ему неприятности. Именно со Штреземаном должен был приключиться знаменитый инцидент в женевском ресторане „Гамбринус", когда он, только что вступив в Совет Лиги Наций, выпив лишнюю кружку пива, размечтался о великом будущем Германии в таких тонах, что поднял на ноги всю буржуазную Францию. Но это маленькие недостатки его механизма. Вообще же германская буржуазия имеет в Штреземане хорошего защитника своих интересов, а другие страны—довольно приятного партнера. Неприятен он станет в тот момент, когда Германия окончательно займет свое место на империалистической арене.

Н. Корнев.

Министерская кружка пива...

ПАПА ПИЙ И ПАН ПИЛСУДСКИЙ

Письмо из Варшавы.

В разгаре предвыборной агитации стали появляться на небе таинственные знаки.

На крестьянских митингах ораторы правительственного избирательного списка оповещали таинственным голосом:

„Вскоре увидите, граждане, на небе знак „1". Сам бог, выслушав благочестивые молитвы святейшего отца, велит вам, таким образом, голосовать за избирательный список беспартийного блока сотрудничества с правительством Пилсудского".

В 1920 году, когда красные войска были под Варшавой, Пилсудский вместе с нынешним папой римским, называвшимся тогда нунцием Ратти, для поддержки боевого настроения раз'езжали в автомобиле по улицам Варшавы.

Произошедшие на небе явления доказали, что агитаторы не зря болтали. Действительно, спустя некоторое время, то тут, то там стали появляться на небе таинственные огненные и кровавые единицы.

— Сам господь бог за Пилсудского,— говорили суеверные крестьяне, набожно крестясь, а приглашенный из Германии специалист по небесной рекламе потирал руки от удовольствия. Рефлектор чудотворного немца исполнял свою работу блестяще, указывая набожному польскому люду божью волю.

Портрет пана Пилсудского, диктатора Польши, написанный по „высочайшему" заказу в натуральную величину художником Градовским.

Все это не из области фантазии. Это, так сказать, серые будничные факты текущей предвыборной кампании. Религиозный аргумент обладает еще до сих пор в Польше притягательной силой. До последнего времени монополия на католицизм находилась в руках национал-демократов, противников правительства. После разгрома национал-демократов Пилсудским, католицизм остался единственным их политическим капиталом. Теперь пилсудчики сами принялись за эксплоатацию католицизма.

Когда это выгодно и когда „Дзядек" велит, атеист пилсудчик превращается немедленно в самого верующего католика. Началась сложная игра между Пилсудским и Римом. Теперешний римский папа, Пий XI, был в 20-м году во время советско-польской войны папским нунцием в Варшаве. Пий XI еще тогда не был Пием и назывался просто монсиньором Ратти. Во время пребывания Пия-Ратти в Варшаве им были завязаны нити дружбы с Пилсудским. Эту дружбу решено было использовать для предвыборной борьбы.

Много места стала посвящать печать дружбе маршала Пилсудского с папой Пием XI. Исчезли со страниц газет молодецкие снимки маршала на коне, появились другие снимки, на которых Пилсудский изображается не иначе, как в качестве смиренного и учтивого послушника римского папы.

Один из кандидатов правительственного списка, князь Януш Радзивилл, заявил недавно, что он принимает участие в предвыборной кампании и поставил свою фамилию на списке № 1, потому что такова воля папы Пия XI. Это заявление произвело среди верующих впечатление разорвавшейся бомбы. Взвыли эндеки.

Поставив ставку на католического коня, пилсудчики не унимаются. Католический аргумент широко использовывается. При выходе из костела раздаются молящимся в бесконечном количестве листовки, из которых верующие узнают:

„Святейший отец Пий XI питает к маршалу Иосифу Пилсудскому неограниченное доверие. Благодаря этому, за время управления страной Пилсудским снизошел на Польшу ряд специальных милостей, так: 1) состоялась коронация святого образа в Острой Браме, 2) перевезен в Польшу прах святого Костки Наперски, 3) поляки назначаются папским кардиналами"...

Работа проводится чистенько. Не гоже католику Пилсудскому заигрывать с еврейскими цадиками и чудотворцами и забыть одновременно про святейшего папу. Теперь молятся за благоприятный исход выборов и папа Пий в Квиринале, и благочестивый цадик в Горе Кальварии. На весы избирательной кампании брошены все козыри.

Пришибленные в первый момент таким неожиданным маневром правительства, эндеки нашли новый аргумент против блока № 1:

„Не годится,—заявили они,—чтобы благочестивый католик князь Радзивилл Януш фигулировал в кандидатском списке рядом с евреем Киршбрауном!

Оказалось, однако, что и это было предвидено пилсудчиками. Католик Радзивилл заранее озаботился всеми необходимыми бумажками и выложил на стол официальное благословение епископа Шеленжека, которым епископ разрешил Радзивиллу пройти в сейм под-руку с не менее благочестивым Киршбрауном.

Папа Пий XI, бывший нунций Ратти, принимает нового нунция в Польше.

Мобилизация для целей предвыборной агитации римского папы, немецких небесных рекламистов, еврейских цадиков и чудотворцев — является ярким знаменем эпохи, известной официально под названием „эпохи морального оздоровления Польши".

Показателями этой эпохи являются безграничный цинизм и наглое бесстыдство.

И. Мечиславский.

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ПЕРВОГО С'ЕЗДА

Очерк *Б. А. Эйдельмана.*

13 марта исполняется тридцать лет со дня первого с'езда. Сказать теперь что-нибудь новое об этом с'езде мудрено. Все, что мне известно об этом, рассказано мною в книжке „Первый с'езд РС - ДРП."

Первый с'езд в истории нашей великой Всесоюзной Коммунистической партии занимает определенное, но небольшое место. Что место небольшое, это вполне естественно по двум причинам. Во - первых, потому что наша страна и наша партия пережила три революции, в том числе и первую в мире пролетарскую, Октябрьскую революцию. Во-вторых, наша партия есть партия большевиков, а таковой она стала, как известно, только после второго с'езда 1903 года. По поводу первого с'езда В. И. Ленин пишет: „Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал - демократов этой полосы" (т. IV, изд. 3-е, Собр. соч. В. И. Ленина, стр. 499, „Что делать?").

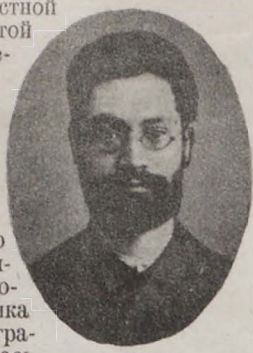
С. И. Радченко.

Первый с'езд был созван по инициативе киевской группы „Рабочей Газеты". Естественно возникает вопрос: почему это было сделано Киевом, а не Петербургом или Москвой? Как известно, мысль о созыве с'езда возникла впервые в московской организации, а потом в других организациях: в Петербурге, Белостоке. Дело в том, что сильнейшие пролетарские центры, являясь главными пунктами нападения царского правительства, были сильно ослаблены, а нужда в об'единении чувствовалась остро. И в это время киевская организация, группа „Рабочей Газеты", которая наряду с другими поставила себе эту задачу с конца 1896 года, после первой неудачной попытки марта 1897 года успела выполнить ее в 1898 году. Произошло это по ряду причин. Главная из них следующая: киевская организация, повидимому, первая в то время усвоила почти по-большевистски идею четкой, крепко сколоченной, дисциплинированной организации, в чем заключалась и одна из причин успеха большевизма вообще. Ленин потому и стал тем, чем был, и ленинизм стал означать то же самое, что большевизм, — потому что Ленин глубоко понимал значение организации. Недаром он стал одним из величайших организаторов всех времен и народов.

П. Л. Тучапский.

Поскольку Киев тесно связан со с'ездом,— два слова о киевских организациях. В одной из их организаций работал старый, опытный, даровитый революционер и один из первых рабочих социал-демократов в России с конца 80-х годов — Ювеналий Дмитрович Мельников.

Самая ранняя из организаций, с которой и персонально группа „Рабочей Газеты" была связана, это — русский социал - демократический кружок, существовавший в Киеве с 1891—92 года. В 1893 году этим кружком издается первое русское издание Эрфуртской программы Каутского, с предисловием, помеченным датой: июль 1893 года. Сама книга носит пометку 1894 г. Это т. н. изд. Павлика. В том же году к этому кружку примыкает Ю. Д. Мельников, у которого устраивается школа-мастерская для подпольщиков, которые отсюда выходили токарями и посылались на заводы. Эта мастерская достигает своего расцвета в 1894—95 году. В 1895 году создается первый Киевский рабочий комитет. В 1896 году, после ареста Мельникова и почти 6-месячного развала работы, вследствие широкой дискуссии об агитации и пропаганде, русский социал-демократический кружок преобразуется в группу „Рабочее Дело" с местной киевской рабочей газетой „Вперед". С этого времени начинаются переговоры о с'езде, кончающиеся неудачным с'ездом в Киеве в 1897 году (Киевская конференция). В это же время группа „Рабочее Дело", собственно первый рабочий комитет, подготовил с помощью А. Д. Поляка нелегальную типографию, где и печаталась „Рабочая Газета", давшая название группе, после того как в Киеве в 1897 году образовался союз борьбы. А в группу „Рабочей Газеты" переименовалась так наз. „редакционная комиссия" группы „Рабочее Дело". Впервые группа „Рабочей Газеты" так назвала себя на документе, известном под именем „устава с'езда". Это были по существу тезизы для с'езда, разосланные группой во все те организации, которые приглашались на с'езд.



А. Кремер.

Но по разным причинам на с'езде присутствовали только все четыре союза борьбы: Петербургский, Московский, Екатеринославский и Киевский, одна областная организация Бунд (Союз еврейских рабочих Литвы и Польши) и игравшая роль центра группа „Рабочей Газеты". На учете, так сказать, были все другие известные тогда организации: Николаева, Одессы, Харькова, Белостока (кружок рабочих-революционеров, будущая группа „Рабочее Знамя") Иваново - Вознесенск, Кременчуг и некоторые другие.

Мутник (Глеб).

В настоящее время история 1-го с'езда в наших учебниках излагается почти правильно. Спотыкаются еще только историки нашей партии на сомнениях о роли Бунда в созыве с'езда, повторяя за Акимовым-Махновцем без критики о преимущественной роли в созыве с'езда организации Бунда. А между тем верно то, что первенствующую роль Бунд играл до появления группы „Рабочее Дело" с газетой „Вперед", потом группы „Рабочей Газеты". И у самого Акимова-Махновца можно найти факты и соображения, что ко времени созыва с'езда Бунд отчасти даже тормозил это дело.

Когда группа „Рабочее Дело" созвала социал-демократические организации в Киев на предполагавшийся первый с'езд в марте 1897 года, то не явились и делегаты Бунда, т.-е. виленской организации (Бунд был основан в сентябре 1897 г.). По этому поводу Акимов - Махновец правильно пишет: „Успешная деятельность киевской группы по созыву Всероссийского с'езда побудила виленскую группу поторопиться с созывом с'езда еврейских социал-демократических групп для того, чтобы выступить на Всероссийском с'езде уже в качестве об'единенной еврейской социал-демократической организации и укрепить шансы на признание своей автономии в партии". „Коллоквиум (с'езд) в марте 1897 г. должен был представляться виленской организации преждевременным с точки зрения местных интересов" (стр. 108, Акимов-Махновец „Первый с'езд РС-ДРП", „Минувшие годы", 1908 г., № 2).

К. А. Петрусевич.

Не приехал Шестернин из Иваново-Вознесенска, из - за ареста; виленцы — из-за вышеприведенных причин; не был допущен возбудивший сомнения в его опытности и конспиративности Илья Ильич Ильин, как назвал себя делегат из Москвы. Так этот неудавшийся первый с'езд в Киеве в 1897 г. и превратился в совещание. Это и есть киевская конференция, которая была первым подготовительным шагом к первому с'езду 1898 года.

1897 год есть время слияния трех киевских групп и образования Киевского союза борьбы, название, которое себе начали давать все рабочие организации, старые и новые, так как Петербургский союз борьбы стал очень популярен после стачки 30.000 текстильщиков в 1896 году: как известно, в этом союзе борьбы работал и руководил им В. И. Ленин.

Н. А. Вигдорчик.

Таким образом, на первый с'езд в Минске 1-го марта (ст. ст.) 1898 года собрались представители шести организаций: группы „Рабочей Газеты", по почину которой с'езд был созван, четырех союзов борьбы (Петербурга, Москвы, Екатеринослава и Киева) и одной областной организации Бунд (еврейские рабочие Литвы и Польши, т.-е. Вильна, Минск и др.).

На с'езде было принято название партии. Как известно, старое название нашей партии было—Российская социал-демократическая Рабочая[1] партия, сокращенно РС-ДРП. Также тогда же приняты были названия: ЦК, местные комитеты. Своей программы с'езд не обсуждал. Программой считалась литература группы „Освобождение Труда". По существу программа первого с'езда изложена была в книжке В. И. Ленина— „Задачи русских социал-демократов", известной тогда киевлянам. По вопросам программы у нас ко времени 1898 года в партии споров не было. Задачей первоочередной было — создать общепризнанный центр, который обслуживает места информацией, газетой, литературой и постепенно становится руководителем рабочего движения. Из программных вопросов решен был только вопрос национальный: партия признает за каждою национальностью право самоопределения. Так гласит конец § 8 постановлений 1-го с'езда, напечатанных вместе с манифестом 1 с'езда[2].

А. А. Ванновский.

От всех шести организаций, принимавших участие в с'езде, было всего девять делегатов. Перечисляем их поименно. От группы „Рабочей Газеты" — пишущий эти строки и П. А. Вигдорчик, теперь автор многих трудов по социальному страхованию, бывший меньшевик, много лет в практической и политической работе не принимавший никакого участия, ныне беспартий-

[1] Слово это вставлено при писании манифеста с согласия двух оставшихся неарестованными членов первого ЦК партии: С. Радченко и А. Кремера.

[2] Очень хорошо рассказано о 1-м с'езде в книжке Керженцева—„Страницы из истории партии". Для ознакомления со всеми документами 1-го с'езда хороша книжка Кардашева—„Основные исторические этапы в развитии ВКП" (стр. 13 — 33).

ный. Бунд был представлен тремя делегатами: Александр Кремер, старый опытный руководитель виленской еврейской социал-демократической организации, старый революционер, уже отошел от политической работы. В настоящее время преподает математику в высших учебных заведениях Вильны; Мутник, кличка Глеб, в настоящее время имеет издательство в Берлине; Ш. Кац, единственный рабочий, бывший на с'езде, часовщик. В настоящее время он в Нью-Йорке состоит техническим редактором какой-то американской газеты [1]. Делегатом Петербургского союза борьбы был Степан Иванович Радченко, инженер, участник петербургской организации, когда там работал В. И. Ленин. С. И. Радченко умер большевиком. Москву представлял А. Ванновский. Будучи после меньшевиком, был членом военно-технического бюро при ЦК и МК в 1906-м году в Москве, теперь, по сведениям Н. Преображенского, профессор богословия в Токио. Представитель Киевского союза борьбы, П. Л. Тучапский, умер в 1922 году меньшевиком. Относительно представителя Екатеринославского союза борьбы, Петрусевича, рассказывает Е. А. Гурвич, что после ухода поляков из Минска он ушел вместе с ними и теперь работает в Польше, кажется, председателем суда. Во время с'езда он был присяжным поверенным.

В. И. Ленин во время 1-го с'езда был в Сибири, в ссылке, как и его товарищи по союзу борьбы.

В коммунистической партии в настоящее время из работников старого подполья кроме меня: В. Д. Перазич, один из старейших революционеров; по решению 1-го ЦК, ему предназначалась ответственная работа в партии, теперь—литератор и инструктор профсоюза текстильщиков в Ленинграде; дальше—С. В. Померанц-Перазич, хозяйка квартиры, где в Киеве печаталась „Рабочая Газета", член основного ядра группы; еще Г. Е. Рудерман, член 1-го Киевского рабочего комитета (тогда заготовщик, сапожник); после революции — 1 год нарком РКИ Белоруссии, последние годы—член губернских контрольных комиссий. Еще А. Б. Зевина, сейчас работает в музее Ленина, тогда портниха; Копельзон (Тимофей), работает в соц.-эконом. отделе Госиздата, и Гожанский, лектор совпартшколы.

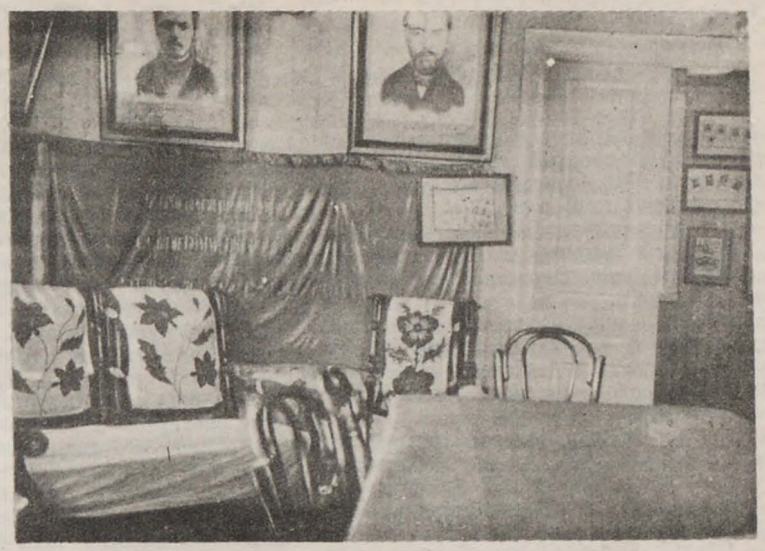
[1] Портрета Ш. Каца не имеется в СССР, о доставке его фотографии ведется переписка.

Дом в Минске, где состоялся первый с'езд партии.

Мне кажется, что будет нелишним перечислить членов киевских кружков, с указанием лиц, вошедших в группу „Рабочей Газеты". Членами киевской организации, когда она в 1891—92 г. была русским социал-демократическим кружком, были: Я. М. Ляховский (теперь врач в Нью-Йорке), С. К. Мержинский (умер), Д. К. Лаврентьев, И. И. Чорба, я и В. Г. Крыжановская. Приблизительно к 1893 году там были еще: В. М. Сапежко, Н. В. Кульчицкий, Ф. И. Прокофьев (ныне коммунист, работает в Верховном суде), Н. А. Вигдорчик, В. Д. Лесенко (умер), Б. Э. Шен; потом еще П. И. Белоусов, Р. В. Розенберг (оба умерли), С. В. Померанц, П. Л. Тучапский (умер), Е. С. Эттингер, Л. В. Теслер, А. Д. Поляк и Ю. Д. Мельников, как члены группы „Рабочей Газеты". Перед образованием Киевского союза борьбы в одной из слившихся групп был С. М. Урицкий. А в Киевском союзе борьбы ко времени его слияния было человек тридцать. Не перечисляю всех, так как не всех из двух других киевских групп я знал. Еще только отмечу смерть А. Я. Карвацкого, активного члена киевского подполья до 1-го с'езда. По ремеслу слесарь, умер на-днях, оставил без всяких средств жену, которая тоже была работницей подполья, членом наших кружков, как и ее два брата Конопко. Ей теперь лет 50, безработная. И затем должно упомянуть участников подполья, первых рабочих, сделавших большую работу, учеников в мастерской Мельникова, так сказать, первый выпуск школы. Это — братья Сонкины и брат Ю. Д. Мельникова—Вячеслав. Особенно усердно и удачно работал Абрам Сонкин по разбрасыванию листков. А в железнодорожных мастерских—Э. Ф. Плетат и покойный А. Я. Карвацкий.

Заседания длились целый день, с перерывом на обед. Нас было всего девять. Каждой организации давался один голос. Особого регламента не было. Каждый говорил, сколько раз считал нужным, и столько времени, сколько хотел. С'езд длился три дня, с 1-го по 3-е марта ст. ст. Председательствовал пишущий эти строки.

После принятия названия партии, организационного устава, после решения национального вопроса и выслушания отчетов делегаций, с'езд выбрал ЦК из трех лиц. Выбраны были: пишущий эти строки, А. Кремер и С. И. Радченко. Открылся с'езд без всякой торжественности. Закрылся речью председателя. Речи вообще были короткие. Протоколы не велись. Записывались только решения. Они напечатаны вместе с манифестом. Манифест партии поручено было редактировать Центральному Комитету. На с'езде было только дано указание, чтобы в манифесте было отмечено, что партия РС-ДРП, как организация борьбы с самодержавием, принимает на себя задачу погибшей партии Народной Воли. Создать сразу сильный ЦК было трудно, хотя мы к этому стремились. Пришлось уступить слишком много прав местным комитетам. Мыслилось усилить ЦК в порядке работы обслуживания, переводя его на руководство.



Внутренний вид исторического домика.

Третьего марта (ст. ст.) вечером была устроена вечеринка на квартире Румянцева, в столовой. Кроме делегатов с'езда, присутствовали хозяева квартиры, муж и жена Румянцевы, и еще двое гостей, бундовских работников: Е. А. Гурвич и Павел Берман. Последний теперь не в живых. Е. А. Гурвич, доставившая квартиру для с'езда, пишет, что были две квартиры: утренняя и вечерняя. Сейчас я этого не помню.

В перерыве было заседание ЦК. Настроение было бодрое. Намечалась ближайшая работа. Говорили об авторе манифеста и редакторе „Рабочей Газеты", об'явленной центральным органом. С писанием и изданием манифеста, с решениями с'езда надо было торопиться, поэтому нельзя было обратиться к неместным силам. Плеханов был за границей. Ленин был в Сибири. Речь шла на заседании ЦК о посылке одного своего члена за границу для переговоров с заграничным „Союзом русских социал-демократов", об'явленным заграничным представителем партии. Намечались переговоры с организациями, взятыми на учет. Говорили об устройстве новых местных партийных комитетов на Волге.

На вечеринке-раз'езде были тосты и песни. Была речь-тост П. Л. Тучапского, напомнившего, что в год с'езда исполнилось 15 лет со дня основания группы „Освобождения Труда". Из тостов я еще отмечу тост Ш. Каца, чтобы на следующем с'езде было больше рабочих. Мы тогда полагали через шесть месяцев собрать второй с'езд. Через 8 дней многие из с'ездцев были арестованы. Неарестованными остались два члена ЦК: С. Радченко и А. Кремер, которые и редактировали манифест, написанный Струве, который в то время считался социал-демократом.

Б. Эйдельман.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ «ОГОНЬКА»

Во всех случаях получения изданий „ОГОНЬКА" с пропуском отдельных номеров (или приложений), необходимо обращаться исключительно в свое ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, где хранятся карточки всех подписчиков, и настоятельно требовать недостающие экземпляры.

Работники почты обязаны удовлетворить требование подписчика, а в случае получения ими неполного количества экземпляров по карточкам подписчиков—немедленно затребовать недостающие экземпляры от Московского почтамта, куда Издательство сдает количество экземпляров всех изданий и приложений по карточкам СВОЕВРЕМЕННО и ПОЛНОСТЬЮ.

Непосредственно в Главную Контору „ОГОНЬКА" надлежит обратиться лишь тогда, когда выписанное издание не получается вовсе.

АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО „ОГОНЕК".

По соглашению „Огонька“ с автором, печатается с рукописи.

БОСТОН

Современный исторический роман *ЭЙТОНА СИНКЛЕРА.*

Продолжение *

Эйтон Синклер.

Эбнер Кенси Торнуэлл, дородный, неповоротливый и сутулый джентльмен, был очень глух. Как большинство глухих, он любил слышать свой голос.

— Ну, вот и случилось!—прогудел он.— Да, Корнелия, тяжелый для тебя денек. Но мы поможем тебе, дорогая. Чем я могу быть полезен?

Его кроткое лицо казалось озабоченным. Случалось это со стариком очень редко. Большую часть своей жизни он посвятил шахматам, проводя не мало часов за решением задач.

Появилась Клара и поздоровалась с дядей. Когда он спросил ее, чем он может быть полезен,—она крикнула ему прямо в ухо:

— Уговорите маму надеть траурную вуаль!

— Вуаль? Конечно, она будет носить вуаль! Разве вуали не предназначены для вдов?

— Мама не хочет. Она собирается показать всем, что ничуть не горюет. Я не думаю, чтобы она пролила хоть одну слезинку.

Корнелия вмешалась.

— Я где-то читала о кино-актрисах, которые делают слезы из глицерина. Не сделать ли и мне во время похорон?

— О, мама, что вы говорите!..

Клара вытерла слезу, а ее дядя, как и все глухие, с беспокойством смотрел то на одну, то на другую.

— Глицерин? Да, да... Я слышал, что он помогает от рака... Не знаю. А отчего умер Джозиа?

— Доктор Морроу говорит, что от разрыва сердца.

— Разрыв сердца? Это почтенно. Где он? В своей комнате? Я пойду, посмотрю, что с ним делают эти гробовщики.

И он заковылял, а Корнелию повели в библиотеку, для совещания с Джемсом Скэттербриджем. Этот зять не обладал светской привычкой скрывать свои намерения и сразу, как подобает хорошему дельцу, приступил к делу.

— Я думаю, матушка, у вас не было времени поразмыслить о том, что вы будете делать... Ну, так вот,—мы с Кларой будем очень рады, если вы поселитесь у нас. Очень рады. Мы постараемся, чтобы вы чувствовали себя как дома. Все останется на своих местах — словом, как любил губернатор.

Смысл этих слов был вполне ясен. Дебора и Алиса не ошиблись.

— Этот дом, Джемс, переходит к тебе?

— О, он уже и так мой, матушка. Губернатор перевел его на мое имя несколько лет назад. Вы ведь знаете, что его ньюхэвенские акции—клочки бумаги. Денег я ему дал тогда больше, чем стоит это поместье. Со мной губернатор сблизился... Я ведь столько работал, управляя его фабриками.

— Конечно, Джемс, но девочки будут опечалены... А в документы включена обстановка?

— Да, матушка... Но мы с Кларой постараемся удовлетворить остальных. Мне хотелось бы подчеркнуть только одно: вы здесь у себя дома. Здесь все останется, как было раньше.

— Это очень мило с твоей стороны.

Фразу она прошептала еле слышно, а мысленно рисовала себе будущее. Клара приведет в этот старинный дом свой выводок, и дети им завладеют. Она услышит их крики по всем комнатам и топот по лестницам; увидит катанье по натертому паркету, а на ковре шаха персидского они станут играть в камешки. Перед ней, у стены библиотеки, стоял книжный шкаф—десять футов в вышину и семь в ширину—шкаф французского орехового дерева; каждый дюйм его украшен был ручной резьбой—плющ и цветы. Утреннее солнце играло на тысяче граней, и они казались золотыми. Дальше, в глубине комнаты, был такой же второй шкаф, и Корнелия вспомнила, что недавно оба эти шкафа оценены были экспертом в восемь тысяч долларов.

— Джемс, в этом доме не мало ценных вещей...

— О, я знаю, и вы, матушка, не беспокойтесь. Мы сделаем пристройку к оранжерее и поместим туда детей, пока они не подрастут. С хорошими вещами я мало имел дела, но Клара к ним привыкла, а она у нас — глава семьи. Вы останетесь и будете ей помогать.

— Не знаю, Джемс. Мне уже шестьдесят, и всю свою жизнь я делала то, что другие мне говорили. А сейчас я хочу пожить в свое удовольствие.

По глазам Джемса, защищенным большими круглыми очками, можно было увидеть, что он очень смутился. Он обладал умом, великолепно приспособленным к ежегодной продукции в семьдесят миллионов ярдов дешевых хлопчато-бумажных тканей, и многое понимал буквально. Производство этих тканей заполняло всю его жизнь, а все вопросы, не связанные с работой, он предоставлял решать жене, удовлетворившись добросовестным выполнением супружеских обязанностей. А вот теперь перед ним сидит маленькая, старая леди, иронически смотрит на него и, нося священное имя Торнуэллей, намекает на какую-то жизнь „в свое удовольствие“!

* * *

Попросить у нее об'яснений он не успел, ибо послышался звонок, и через дверь библиотеки Джемс увидел Эддикса, разговаривающего с несколькими, хорошо одетыми моложавыми людьми. Затем слуга вошел с сообщением, которое вскоре стало известным за обеденными столами Бостона и вызвало восхищение. Повидимому, после размышлений он решил доложить в такой форме:

— М-р Джемс, там ждут три репортера и один джентльмен из редакции „Трэнскрипт“.

Джемс вышел, пригласил трех репортеров и одного джентльмена в кабинет губернатора и стал пожинать плоды своего великосветского брака. Он напомнил им, что предки Торнуэлла восходят к „Мейфлоуэру“ [1] — в доме хранится даже колыбель, привезенная на этом знаменитом корабле. Напомнил о том, что род Торнуэллей насчитывает двух губернаторов колоний и двух штатов. Напомнил об общественном служении Джозии и о том, как он ввергал в тюрьму всех расхищавших общественное достояние. Проверил имена детей экс-губернатора и сообщил имена внуков, не забыв перечислить всю свою семерку: каждый его ребенок носил знаменитое имя—Джозиа Торнуэлл Скэттербридж, Корнелия Торнуэлл Скэттербриж, Джемс Торнуэлл Скэттербридж, Кенси Торнуэлл Скэттербридж и т. д. Только он начал говорить о том, что фабрики Торнуэлла прекратят во время похорон на полдня работу как послышался стук в дверь, и в кабинет величественно вошла миссис Руперт Эльвин, урожденная Дебора Кенси Торнуэлл.

— Джемс, это представители прессы,—не правда ли? Доброе утро, джентльмены. Я—миссис Эльвин, старшая дочь губернатора. Вам будет не безынтересно знать, что я протелефонировала реверенду д-ру Вультону, ректору церкви св. Луки, здесь, в Торнуэлле, которую губернатор выстроил и поддерживал своими средствами. Ректор согласился отслужить панихиду, которая будет совершена здесь, в доме. Кажется некоторые газеты сообщили, что панихида будет в Бостоне, в церкви Троицы? Но это ошибка. Панихида начнется в два часа дня завтра. Я уверена, что вы исправите ошибку, и спокойна за наших друзей. Да... Фамилия ректора произносится Вультон, а пишется *Вульверхемптон* — реверенд д-р Джемс Лоуэл Вульверхемптон, ректор церкви св. Луки в Торнуэлле. Панихиду он будет служить совместно с реверендом Кенси Адамс Торнуэллем, кузеном губернатора. Погребение состоится в фамильном склепе, на кладбище св. Эльстона.

После этого миссис Руперт Эльвин, урожденная Дебора Кенси Торнуэлл, уселась на софу, уверенная в том, что, пока она не вышла из комнаты, ее плебейский зять не решится отменить распоряжение. Среди членов семьи Торнуэллей ходили слухи, будто однажды, в пылу спора, Дебора сказала своему супругу: „Запри меня в чулан, плюй на меня, но когда мы на людях, оказывай мне уважение, соответствующее моему происхождению“.

Три репортера и джентльмен уехали в такси, нанятом ими сообща, прикатили в деревню, связались по телефону со своими газетами и продиктовали все подробности. Последние прошли сперва через пишущую машинку, затем через линотип, и наконец попали в печатную машину. Меньше чем через час после беседы Джемса и поправок Деборы, газетчики возвестили криком о выходе второго вечернего издания со всеми подробностями о жизни, смерти и предстоящих похоронах экс-губернатора. На первой странице помещался его портрет: узкое лицо, с тонкими сжатыми губами и длинным заостренным носом.

В стену музыкальной комнаты Джозии вделаны были четыре портрета—в человеческий рост — четырех губернаторов; костюмы на них были разные, но душа одна: неспособные на противозакония, все они были безжалостны к нарушителям закона. А газеты захлебывались: государственный деятель, промышленник, благотворитель — образец, достойный подражания для потомства!

А тем временем в комнате с широкой кроватью под балдахином и с занавешанными окнами „психолог“ Гобсон говорил своим помощникам:

— Если вы не прекратите накачивать в сонную артерию, лицо старика обесцветится и придется его подкрашивать.

* * *

* См. № 10 (258) „Огонька“.

[1] „Мейфлоуэр“—корабль, на котором прибыли из Англии в Америку пуритане в 1620 году, спасаясь от религиозных преследований.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Крупный промышленник Джозиа Квинси Торнуэлл, сидя однажды вечером в своем кабинете со своим зятем Рупертом Эльвином, мечтает о расширении своих предприятий. Его жена Корнелия, нелюбимая им и не любящая его, слегка посмеивается над их планами. Но мужчины не обращают на нее внимания и продолжают обсуждать свои дела. Ночью Джозиа Торнуэлл умирает от разрыва сердца, сидя в кресле в своем кабинете. В доме поднимается суматоха: звонит телефон, приезжают знакомые, доктор, родственники и представитель похоронного бюро—„психолог“ Гобсон. Среди детей начинаются споры о наследстве,

Приехал Руперт Эльвин. В Пилигрим Нэшонэл Банк он заехал только на короткий срок—посмотреть почту и отложить деловые свидания.

Выйдя из лимузина, он выпрямился во весь свой шестифутовый рост, расправил складки на лице, обдернул жилет и вошел в дом.

Вежливо выслушал он отчет Джемса о сделанных приготовлениях, а затем, в отдельной комнате, сообщение возмущенной жены о Гобсоне, церкви Троицы и ковре шаха персидского.

Наконец он разыскал Корнелию.

— Матушка, мы с Деборой будем очень рады, если вы согласитесь жить вместе с нами. Мы сделаем все возможное, чтобы вам было хорошо.

— Благодарю, Руперт. Я еще ничего не решила. Все еще никак не могу собраться с мыслями.

Но воображение ее работало и рисовало картину будущей ее жизни с Деборой и Рупертом. На Авеню Штата у них был большой дом, в котором они жили не больше трех месяцев в году; остальное время они проводили в замке на скалистом северном побережье. У Деборы было отцовское узкое лицо и такой же тонкий, заостренный нос; держалась она всегда прямо, и казалось, что именно для нее созданы стулья с вертикальными спинками; такого рода стулья предназначены для духовенства епископальной церкви — к самому фешенебельному городскому приходу этой церкви и принадлежала Дебора. Досуг свой она уделяла работе в благотворительных обществах — самых значительных—и терпеть не могла, когда другие лица производили сборы, ибо это давало им возможность вмешиваться в ее административные распоряжения. Как жаль, что нельзя нанять расторопных подчиненных! Она пыталась поручить кой-кому ответственную работу, но безуспешно.

Что же касается Руперта, он руководил банком, контролирующим промышленные предприятия, и постепенно захватывал в свои руки управление этими предприятиями. В свободное время он давал советы жене по вопросам, связанным с ее религиозно-благотворительной деятельностью. Был у него конек—церковная архитектура, и нередко настоятели приходов всего штата запрашивали его мнение о желательной величине церковных сводов. И Корнелия прекрасно понимала, что у них она действительно будет чувствовать себя „как дома“ — то-есть ей будут говорить, что надлежит делать, как поступал Джозиа.

Руперт ушел помочь жене в составлении списка приглашаемых на похороны, а Корнелия прошла в музыкальную комнату, где должна была состояться панихида. Но она не могла вынести вида четырех губернаторов с одинаковыми узкими лицами, плотно сжатыми губами и острыми носами, и отправилась в оранжерею; там цвели прекрасные цветы и стояли скамейки для влюбленных, слушающих музыку, — даже в предместьях Бостона влюбленные это делают. Дети Корнелии бывали здесь во времена их юности, а теперь ее внуки достигли того возраста, когда начинают влюбляться; но она здесь никогда не чувствовала себя легко и свободно, никогда не шла своим путем, а всегда жила, как Торнуэллы. Общественная деятельность не удовлетворяла Джозию: он хотел единолично распоряжаться в своей домашней жизни и получил поддержку своих братьев и сестер—целой фаланги людей, живущих праведной жизнью.

Его сестра Дебора жила здесь до своей смерти,—а умерла она недавно,—и была фактической хозяйкой в доме, обязанной внушать дочерям Джозии то, что надлежит знать дочерям Торнуэлла.

А для Корнелии оставалась музыка, немного живописи, сад с розами, кое-какие книги, несколько друзей, время от времени спектакли и симфонические концерты. Постепенно семья привыкла к тому, что от нее можно ждать только одного: умолчания о том, сколь смешными она считает трезвые торнуэлловские традиции. Они никогда не понимали ее улыбки, да и не пытались понять. Слово „Бостон“ значило для них, что они не могут и не должны заразиться миросозерцанием, которое называлось „не-Бостон“. Отец Корнелии был профессором в маленьком колледже; правда, это было вполне прилично, но отец ее был иммигрант, и пройдет не мало лет, а за обеденным столом в Бостоне все еще будут говорить: „О, да, но ведь ее дед приехал вторым классом; говорят, что он был босоногим ирландцем. Во всяком случае, фамилия у него ирландская!“

Не находила она радости и в том, что была женой губернатора. Она уступила бы эту честь тем, кого прельщают почести. Слушать длинные спичи, вести скучнейшие разговоры, за обедом есть неудобоваримую пищу! И никогда не слышать ни одной естественной фразы, не смеяться веселым смехом. Все должно быть обдумано, взвешено, все должно способствовать карьере мужа, помощницей которого обязана быть преданная жена.

Корнелия закрывала руками уши, чтобы не слышать восторженного рева толпы в день избрания. До нее доносился гнусавый голос—оратор заверял толпу в том, что он ревностно будет охранять общественные интересы: „Сограждане! В этот торжественный день, когда вы почтили меня своим избранием...“ и т. д. Ни юмора, ни намека на непосредственность! Ничего, кроме обманчивого блеска и игры,—от колыбели и до могилы!

И даже теперь все это не кончилось. В темной спальной, где „психолог“ Гобсон возился с телом Джозии, один из ассистентов заметил:

— Что делать с париком? Никак он не хочет держаться! Можно попросить у слуг клею?

А „психолог“ ответил:

— Как можно просить клею в таком доме? Что о нас подумают! Поищите на бюро — нет ли там булавок?

* * *

Быстро разнеслись слухи о смерти. Звонил телефон, получались письма соболезнования, люди приходили и уходили, все говорили шопотом.

Пришла портниха, чтобы посоветоваться с Корнелией относительно траурного платья, явилась старуха, торговавшая шляпами и пользовавшаяся покровительством Корнелии. Клара попыталась использовать эту старуху, чтобы она уговорила мать надеть траурную вуаль.

Десятки других вопросов: кто купит цветы и какие? Кто должен разослать приглашения и каков должен быть текст? Будет ли позволено рабочим взглянуть на своего покойного хозяина, и как это сделать? Испортился орган, и надо его починить.

Все эти хлопоты до некоторой степени разряжали траурную атмосферу.

Один за другим прибывали родственники. Первым приехал Квинси Торнуэлл, сын дяди Эбнера, мужчина лет под пятьдесят, с преждевременно поседевшими волосами и высохшим лицом. Он имел репутацию „любимца женщин“—в приличном „бостонском“ смысле. Корнелии он очень нравился—он не был так сух и благопристоен, как другие, и рассказывал ей много смешного из жизни бостонского общества. Квинси разбогател оттого, что умел использовать на бирже сведения, получаемые от своих родственников. Он целые дни шатался по залам биржи, следил за ценами акций, написанными мелом на доске, а вечером, если не шел с визитом к какой-нибудь даме, играл в бридж или в шахматы со своим глухим отцом. Оба они были завзятыми шахматистами, и как только он вошел в дом, они начали разговор о шахматах. Грубый голос дяди Эбнера разносился по всему коридору:

— Малый, выигравший последнюю партию, — еврей, а пишут о нем, что он — француз. Странно, неправда ли?

Приехали Присцилла с Элизабет—дочери Деборы. Присцилла, старшая, была точной копией матери. В восемнадцать лет она уже избрала себе карьеру — работать по устройству городов-садов. Младшая, Бетти, была любимицей Корнелии. У нее было маленькое круглое лицо, слегка вздернутый носик, нежные карие глаза, ямочки на щеках, когда она смеялась. Она сидела среди женщин, молчаливая и скромная, как подобает шестнадцатилетней барышне, присутствие которой могло вызвать возражения. Когда Корнелия вышла из комнаты, она последовала за ней.

— Бабушка, мне так неприятно слышать эти ссоры!

— Мне тоже, Бетти.

— Сестра просто выходит из себя из-за ковра шаха персидского. Конечно, это очень интересно, что ваш дедушка путешествовал в Персии и получил подарок от шаха, но ведь ковер всегда можно купить! Мама говорит, что если тетя Клара не отдаст его нам, то она на всю жизнь перестанет с ней разговаривать. Неужели она это серьезно?

— Такие случаи бывают, милая. Твой дедушка Эбнер не говорит с дедушкой Эхабом уже целых пятьдесят лет.

— О, бабушка! Что только творится в нашей семье!.. А дедушка Эхаб приедет на похороны?

— Ну, конечно.

— И он не будет разговаривать с дедушкой Эбнером?

— При других он, конечно, будет, но в своей семье—никогда. Эбнер женился на девушке, с которой Эхаб был помолвлен, и Эхаб остался холостяком на всю жизнь... Ты помнишь тот большой дом на побережье, который был распилен пополам?

— Помню. А зачем его распилили?

— Они, поссорившись, разделили его пополам, и Эхаб перевез свою половину в другой конец города.

— Я, бабушка, так рада, что вы не хотите надевать черную вуаль. Она вам совершенно не к лицу. И хорошо, что вы не проливаете слез, если у вас нет такого желания. Поступайте так, как вам нравится.

— Спасибо, Бетти, милая.

— Всем известно, что дедушка не нуждался в любви. Он никогда не показывал своих чувств—так почему же другие должны показывать их?..

Бетти вдруг остановилась и взяла бабушку за руку.

— Бабушка, вы плачете! Я напомнила вам о чем-то и расстроила вас?

— Нет, милая, совсем не потому. Я просто подумала, сколько мучительных минут я избежала бы, если бы люди могли говорить то, что у них на уме.

— А мама всегда сердится на меня за это. Она находит это неестественным и говорит, что не может понять меня. Вы тоже так смотрите на меня, бабушка?

— Нет, милая, — улыбнулась Корнелия сквозь слезы. — Ты не обращай на меня внимания—я просто искала случая, чтобы поплакать. Когда разрушено то, к чему привык за сорок лет,—как бы там ни жилось,—все-таки очень тяжело.

— О, милая бабушка! Мне так хотелось бы, чтобы вы поселились у нас и немного оживили нашу семью. Мне хотелось бы, чтобы мама была не так строга. Мне хотелось бы иметь собственный автомобиль. О, сколько вещей мне хотелось бы иметь!— закончила мисс Бетти.

Перевод *И. Охрименко.*

Продолжение следует.

КРАСНАЯ АРМИЯ В ЖИВОПИСИ

1. Художник Г. К. Савицкий — „Советский порт".
2. Художник П. Д. Покаржевский—„Тов. Ковтюх".

3. Художник Г. К. Савицкий. — „Стихийная демобилизация старой армии." 1917 г.

Выставка Ассоциации художников Рев. России приурочена к 10-ой годовщине Красной армии. Выставка посвящается главным образом гражданской войне, которую проделала наша Красная армия.

4. Тов. Емельян Ярославский на выставке АХРР. Стоят слева—направо: художник И. И. Бродский, Емельян Ярославский, художники М. М. Бернгов, Ф. С. Богородский и А. Н. Тихомиров. 5. Художник **В. С. Пшеничников**—„Гибель Чапаева". 6. Художник **А. А. Дейнека**.—„Оборона Петрограда против Юденича". 7. Члены ЦК ВКП (б) на выставке АХРР (слева—направо): А. С. Бубнов, А. И. Бухарин, И. В. Сталин, Н. А. Угланов, С. Орджоникидзе, за ними художники—П. А. Родимов и Ф. С. Богородский. 8. Художник **П. К. Кончаловский**.—„Купание конницы".

РЕВОЛЮЦИОНЕР В НАУКЕ—РЕНТГЕН

Очерк *А. В. Луначарского.*

Вскоре после Октябрьского переворота ко мне, в бывшее здание министерства народного просвещения у Чернышова моста, явился позднее награжденный орденом Трудового Красного Знамени профессор Неменов. Он пришел с готовым блестящим планом развития, при всей скудости средств, которыми мы тогда обладали, крупного рентгенологического и радиологического института, который включал бы в себя как физическую, так и медико-биологическую часть.

Сколько ни пищали ленинградские гомеопаты, все же мы отобрали у них здание. Первоначально единый институт, естественно, распался на два—физический и медико-биологический, при чем каждый из них пошел по пути поистине блестящего развития.

Всем известно, каким огромным авторитетом в мире науки обладает директор физического института рентгенологии—академик Иоффе. Всем известно значение его открытий и превосходная постановка тех ученых и учебных учреждений, которые находятся под его талантливым руководством.

Так же точно и медико-биологический институт рентгенологии и радиологии получил чрезвычайно широкое развитие. Ему удалось приобрести прекрасное оборудование, выдвинуться в ряды первых в мире институтов этого типа и развернуть большую научную работу, основать один из лучших журналов по рентгенологии, быть инициатором целого ряда с'ездов, наконец,—обосновать рентгенолечение не только в собственных своих больницах, которые служат ему опорой для научной деятельности и в то же время приносят облегчение множеству страдальцев, но и организовать эту работу по всей стране.

17 февраля перед фасадом института рентгенологии и радиологии открыт был памятник великому ученому, труды которого обусловили развитие целого ряда новых отраслей в науке, отразившихся и в нашем рентгенологическом институте.

Было бы излишним говорить здесь о научном значении открытий Рентгена и о практическом применении его учения. Х-лучи не только позволили нам войти во все царство лучистой формы энергии, которое развернулось перед взором человека во всей своей безграничности и внутренней цельности, но и дали нам возможность проникнуть в самую структуру материи гораздо глубже, чем на это можно было даже надеяться. Для врачебного диагноза эти лучи, давшие человеческому глазу возможность пронизывать непрозрачные тела, обусловили собою целый переворот; но, помимо этого, сами они, с их еще не вполне разгаданной и исследованной силой воздействия на живые ткани, получили и все больше получают целебное значение.

Можно ожидать чрезвычайных результатов от всех физиологических опытов, которые показывают на глубокие изменения человеческих тканей, производимые рентгеновыми лучами и выражающиеся порой в настоящем перерождении организма.

Нет ничего невероятного, что когда-то рентгенология сделается одним из самых могущественных факторов сельского хозяйства, в смысле власти человека над живою тканью.

Так же точно и во всей технике применение все пронизывающих Х-лучей становится все более и более широким. Простое перечисление всех применений этих лучей, простое подведение итогов только наиболее крупным открытиям в области неорганических и органических наук, сделанных благодаря открытию Рентгена, з а н я л о бы, вероятно, большой том.

Но я сейчас имею в виду не характеристику научной работы Рентгена и его великого открытия по существу,—мне хочется сказать несколько слов о Рентгене, как о типе ученого.

Советская власть поставила памятник Рентгену, и она сделала это совершенно сознательно. Я не знаю, был ли Рентген хоть в малейшей степени социалистом, — вероятно, нет, т.-е. он не п р и н а д л е ж а л к социалистической партии, может быть, не задумывался о н е о б х о д и м о с т и к о р е н н о г о п е р е у с т р о й с т в а нынешнего общества. Но п р а к т и ч е с к и м социалистом он, конечно, был в высочайшей мере.

Если когда-нибудь будут воздвигнуты социалистические пантеоны, то на стенах их золотыми буквами будут написаны не только имена сознательных борцов за рациональный общественный строй, но также и имена великих ученых, ибо базой для развития социализма, непременным сопутствующим условием его установления является приобретение власти человеком над природой. А здесь самой крупной величиной являются, конечно, великие представители науки.

Максим Горький много раз прежде—и в последнее время вновь — выражал свое восхищение перед типом ученого, перед миром ученых. К этому нельзя не присоединиться. Тут надо сделать оговорку: разумеется, и среди ученых много обывателей, разумеется, в каждом ученом, или почти в каждом, есть известная доля обывателя. Разумсется, мы знаем о мелочной борьбе самолюбий и честолюбий в среде ученых и т. д. Можно даже прибавить к этому, что многим ученым, самому типу ученого, присущи подчас некоторые уродливые черты. Специализация их на одном виде вопросов иногда приводит к известной узости, к известному нежеланию разбираться в более отдаленных областях, к фрагментеризации или, наоборот, к слишком смелым суждениям в чуждых областях, когда какой-нибудь ученый, крупный физиолог, например, начинает с приобретенным в своей области авторитетом „с кафедры", свысока, высказывать свое суждение, например, по социальным вопросам.

Надо сказать однако, что все эти недостатки в большинстве случаев тают и рассыпаются, когда мы приближаемся к вершинам науки, где мы встречаемся в большинстве случаев с чрезвычайно сильными умственными способностями, дающими необыкновенную широту и гибкость мысли. Это не значит, конечно, что тут мы встречаем сплошь энциклопедистов и революционеров. Отнюдь нет. Но здесь всегда есть эта очаровательная скромность, признание своей некомпетентности в неизученных областях и вместе с тем необычайно свободный и часто тонкий подход даже к чуждым областям, обусловливающийся огромной силой и честностью мысли.

Да и вообще в отношении ко всему ученому миру перечисленные недостатки никак не могут перевешивать огромных достоинств „ученого, как социального типа".

В самом деле,—ученый больше, чем какой бы то ни было другой человек на свете, втянут всем своим существом в коллективную работу. Наука непрерывно работает коллективно, связывая собой поколения людей и людей разных наций. Наука об'единяет также и все специальности; они, по существу говоря, все так или иначе переплетаются, ибо составляют единое целое, отражение в организующей мысли человека единого бытия.

Более чем где бы то ни было, здесь чувствует мелкий, средний и даже великий работник свою зависимость от сделанного до него, от творимого рядом с ним, от имеющего притти после него. Непрерывно широко-общественно создаются ткани научной мысли. Нигде невозможно проложить границы сколько-нибудь абсолютные ни в развитии науки от эпохи к эпохе, ни в переходе науки от дисциплины к дисциплине.

Ученый считает, конечно, величайшей честью для себя внести что-нибудь крупное в этот непрерывный поток роста человеческого разума, его разумений и его власти над природой, но выделить себя, как одиноко стоящую индивидуальность, ученый не в состоянии. Как только он попробовал бы разрезать многочисленнейшие сосуды, которые соединяют его со всем целым, он сейчас же захирел бы и погиб бы.

Чем больше связей между ученым и всем коллективом научно-мыслящих и работающих людей и в народах и в веках, тем более вырастает его собственная личность.

СМОТР СВОИХ СИЛ

Крестьяне, приехавшие на парад Красной армии по случаю 10-летия Рабоче-Крестьянской армии. Снимок С. Фридлянда.

Уродливый капиталистический строй часто порабощает ученого. Бывают случаи, когда сознательно (часто и бессознательно), в особенности в области общественных наук, ученые фальсифицируют свои выводы в угоду господствующему строю. Это ужасающая болезнь науки. Лучшими умами она не может не испытываться именно как болезнь, и такие умы невольно должны приходить к выводу, что только освобождение человечества от власти немногих эксплоататоров может вернуть науке ее истинную роль великого работника для блага всех людей.

Надо сказать, однако, что огромное большинство ученых и сейчас верит полностью в такое свое служение всему человечеству в целом, и, вероятно, не без основания, ибо если современный капиталистический строй часто искажает благотворные результаты науки, то, рано или поздно, все равно энергия ее оплодотворит всю социальную жизнь и поможет ей развертываться совершенно правильно, на благо всех и каждого в равной степени.

Все эти обстоятельства и делают типичного ученого существом высоко-морального порядка. Чем больше в ученом живет именно ученый, тем более очарования в таком человеке. Рентген был типичнейшим ученым в самом лучшем смысле этого слова, и, ставя памятник ему лично—Вильгельму Конраду Рентгену, советская власть поставила памятник--ученому.

У Рентгена была та сила мысли, та сила памяти, которая является необходимым условием успешного занятия наукой. У него была огромная любовь к труду и необычайная добросовестность, доходившая до педантизма и до какого-то подвижничества.

Это наложило даже некоторую печать на весь облик и на всю манеру жизни Рентгена. Отнюдь не будучи сухим человеком, имея счастливую семейную жизнь, о которой он впоследствии уже вдовцом вспоминал с трогательной благодарностью, Рентген, тем не менее, был почти суров и, во всяком случае, замкнут. Он служил науке, он чувствовал себя ежечасно ответственным за научную и учебно-воспитательную работу, которая на нем лежала.

Неимоверное трудолюбие дало ему ту широчайшую эрудицию, ту огромную сноровку и опытность в деле эксперимента, которая была награждена великим открытием. Великие открытия не делаются даром. Неподготовленный человек, встретивши указания о научном кладе, пройдет мимо, не сумеет воспользоваться тем, на что он наткнулся. Открывает только тот, кто ищет, и прежде всего тот, кто ищет систематично; вот в руках того внезапно найденная нить Ариадны действительно является руководящей через запутанные лабиринты к нахождению новых сокровищ.

Так это было и с Рентгеном. Академик Иоффе рассказал несколько любопытных фактов, которые дополняют фигуру Рентгена. Так как Рентген получил Нобелевскую премию и его работа вообще хорошо вознаграждалась, то у него составился довольно круглый капитал, который он держал в голландских банках. После об'явления империалистической войны, когда Германия оказалась в тяжелом положении и крайне нуждалась в средствах, Рентген, уже старый, спокойно перевел свои голландские деньги в Имперский банк и предоставил их в распоряжение государства. Я не знаю, был ли это акт патриотизма в собственном смысле слова; это было, скорее, выполнение естественного долга. Ну как же, в самом деле, уважать себя, запрятав свои собственные средства где-то в углу, в то время как разражаются каждый день все новые и новые народные бедствия!

Но это еще пустяки. Гораздо интереснее дальнейшее. Рентген впал в значительную бедность, а так как с продовольствием в Германии дело обстояло ужасающе, то и ему пришлось бы терпеть лишения, если бы его многочисленные поклонники из нейтральных стран не посылали ему множества посылок, содержавших в себе разные лакомые и питательные пищевые продукты.

Но Рентген абсолютно все, что получал, до самого последнего к у с к а белого хлеба, отправлял обязательно в продовольственный пункт своего квартала, для пользы всех граждан. Когда его собственное здоровье от этого пошатнулось, и его друзья делали ему горькие упреки за такое дон-кихотство, он отвечал, что никогда не смог бы проглотить этот п р и в и л е г и р о в а н н ы й кусок, зная, что страна, подвергнувшаяся блокаде, так ужасающе голодает. Он согласился только, когда нездоровье его усилилось, перейти на больничный паек, рассудив, что, в конце концов, право каждого больного гражданина иметь эту помощь.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на факт иного порядка. Заносчивый, вздорный, суетный император Вильгельм явился как-то раз в богатый научный музей, директором которого состоял Рентген. Строгий профессор, как всегда замкнутый и серьезный, сухо-вежливый, водил императора и его свиту по различным залам. При входе в зал, посвященный артиллерии, Вильгельм радостно воскликнул:

— Ну, господин профессор, здесь я у себя дома. Здесь я уже не нуждаюсь в ваших об'яснениях и могу даже раз'яснить сам кое-что.

Коронованный Хлестаков немедленно отправился к какому-то орудию и начал производить с ним какие-то манипуляции и давать хвастливым языком об'яснения. Вильгельм самодовольно поглядывал на профессора, ожидая, какое впечатление произведут на ученого человека, но отнюдь не артиллериста, его глубокие бомбардирские познания.

Однако профессор становился все сумрачнее и сумрачнее и, наконец, сказал:

— Ваше величество, вы напрасно делаете все это, — вы плохо знаете то, о чем говорите. Ваши раз'яснения не идут дальше самых общих мест. Если бы такое раз'яснение дал мне студент на экзамене, я бы должен был провалить его.

Можно себе вообразить, каковы были физиономии самого монарха и всей окружающей свиты, из которых одни, вероятно, восхищались всезнайством Вильгельма, а другие, может быть, и чувствовали, что он несет дичь, но, конечно, полагали, что дичь эта будет принята с соответствующим уважением, даже с подобострастием. Я думаю, что Вильгельм с удовольствием турнул бы пуританина-профессора с его высокой кафедры за такую „наглость", но, однако, Рентгена нельзя было турнуть, — это вызвало бы всеобщее негодование и всеобщий горький и клеймящий смех не только в Германии, но и во всем мире.

Памятник, который поставлен теперь Рентгену, имеет и много достоинств, и некоторые недостатки. Самая история его сложна. Первоначально он задуман был художником Альтманом, который создал

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ...

Рабочий, бывший политком, получивший орден Красного Знамени в гражданскую войну, рассказывает молодежи о минувших днях.
Фото-этюд А. Шайхета.

пьедестал несколько конструктивистский, согласно тогдашней моде. Пьедестал состоит из нескольких больших камней, строго геометрической формы, поставленных ассиметрично, сдвинутых в отношении друг друга в тех неуловимых соотношениях, которые художник должен угадать и в определении которых и заключается внутренний смысл и грация таких памятников.

Я должен сказать, что пьедестал этот удачен, как удачно почти все, что выходит из рук Альтмана. Естественно, что люди, не понимающие или не желающие понимать никаких „супрематистских" красот, и здесь найдут только какую-то иррациональность и пожмут плечами; но раз приняв этот принцип, как принцип художественности, нельзя отрицать внутренней силы и грации в этой установке.

Это несколько не очень больших, но все же внушительных и красивых по своим строгим формам камней.

Альтман сделал первоначально и проект самого бюста, при чем этот бюст должен был быть выдержан в той стилизованной скульптурной форме, которая не признает округленных поверхностей нашего живого тела и старается придать им граненую кристаллическую форму, как бы более соответствующую камню. Идея тут в сущности та, что с переводом живого тела, мускулов и кожи в камень необходимо говорить на языке камня. Как русская повесть, переведенная на китайский язык, должна была бы при этом утратить наши формы склонений, спряжений и т. д., так и живые формы, переходя в камень, должны заговорить на каменном языке. От этого, однако, не получается непременного оскудения живой формы. Наоборот, она своеобразно выигрывает в монументальности, ибо каменность, приданная человеческим чертам, дает им какую-то новую строгость, непреклонность и вечность. Наоборот, обработка камня с тенденцией подражать гибким, мягким, трепетным формам живого кажется фальшью, фокусом, стремлением обмануть.

Говорю я это совсем не для того, чтобы примкнуть целиком к этой точке зрения, т. к. сам я считаю в высшей степени серьезными достижения тех мраморщиков, которые придают этому материалу настоящий аромат жизни.

Альтман сделал голову Рентгена именно таким образом. Она была задумана, очевидно, в камне или цементе. В ней, насколько я помню по фотографиям, которые я видел, Рентген был суров, угловат, величествен и очень удален от всего окружающего.

Однако, памятник кончал не Альтман, а скульптор Синайский, тот самый, который сделал очень интересно голову Лассаля еще в эпоху продиктованной Владимиром Ильичем монументальной пропаганды, — единственное, кажется, произведение, которое от той эпохи осталось и было перелито в бронзу.

Синайский подошел к своей задаче иначе. Правда, и материал был выбран другой. Нынешняя голова Рентгена отлита из бронзы. Академик Иоффе, долгие годы знавший Рентгена, не находит полного сходства между этой головой и оригиналом ни чисто формального, ни даже внутреннего. Академик А. Ф. Иоффе заявляет, что при первом взгляде на эту голову она не напоминает покойного великого ученого, и только отступив и при повторном осмотре заметно совпадение внешних черт, которого художник добился путем изучения имевшегося у него иконографического материала.

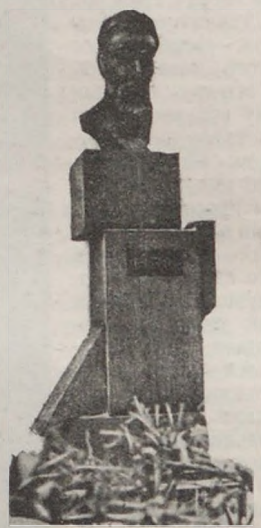
Что же касается внутреннего сходства, то Абрам Федорович говорит, что Рентген был строже и что его действительно замкнутому лицу присуща была скорее печать постоянной углубленной мысли, чем мечты, которую мы видим на созданном Синайским лице.

Все эти указания академика Иоффе, очевидно, верны, но это не обесценивает памятника Синайского. В конце концов, нам даже не так важно точнейшее сходство с Рентгеном. Кто знает, насколько точно сходство лучших памятников, какие мы имеем в мире, с их оригиналами. Ведь памятник никогда не делали при жизни, всегда по иконографическому материалу, всегда он должен был быть возводим до степени монумента, всегда должен был быть рассчитан на определенную и удаленную точку зрения зрителя.

Да и по существу, как ни прекрасна личность Рентгена, все же нам особенно важен в памятнике общий тип великого ученого, тип, заслуживающий величайшего почтения, а этого всего Синайский, несомненно, достиг.

Бородатое лицо Рентгена, с величественным выпуклым лбом и большими резкими чертами лица, запомнится всякому, кто пройдет мимо, чей взор неизбежно будет привлечен этой многозначительной головой. В ней есть что-то именно от человека, который служит и который служение свое воспринимает чрезвычайно высоко. Да, голова Рентгена у Синайского жреческая, но у Рентгена, действительно, была жреческая голова,—это можно видеть и по его подлинным фотографиям.

Каждый человек, в особенности человек углубленный, вырабатывает свою наружность, так сказать, бессознательно. Частью она дается ему наследственно, а частью в манере носить волосы, бороду и т. д., — возникает как-то сама собою от возраста к возрасту. Только люди суетные, придающие чрезмерное значение наружности, сами тщательно обдумывают свой облик.



Памятник Рентгену в Ленинграде.

Но наружность человека тем более значительна в смысле его характеристики, чем больше развилась она именно самой природой, в смысле наследственности и вот этим внутренним бессознательным творчеством, являющимся как бы продолжением формирующей силы самого организма. Я думаю, что Рентген не спроста носил эту густую длинную бороду и спадающие вниз усы, эту прическу, обрамляющую выдвинутый вперед лоб. Перед нами, действительно, рисуется с достоинством воспринятый образ великого мудреца прошлого.

Пусть какие-нибудь брахманы были преисполнены всяких предрассудков и всякой соответствующей их веку лжи, — конечно, клерикальное в них меньше всего занимало воображение Рентгена. Больше увлекала его их преданность науке, их замкнутость в храме истины, та величавость, которая озаряла их своим сиянием, падая с высот взыскуемой истины. Рентген был современным человеком, верившим прежде всего в силу мысли и техники. Рентген был человеком определенной идеи — служения счастью всех братьев-людей, и ему как бы казалось, что покупаются эти результаты только той великой сосредоточенностью, той формой высокого отшельничества в царстве собственной мысли, которая дает в конце концов чистоту и напряжение умственной энергии.

Вот это все было в самом деле в наружности Рентгена и это передано Синайским, а это есть целая полоса настроений в научно-культурном мире, это—полоса, с которой можно соглашаться или нет, но в которой есть своя большая прелесть. И еще большую прелесть придает голове Синайского выражение мечты, которое академик Иоффе нашел несвойственным самому Рентгену.

Действительно, великий ученый, созданный Синайским — мечтатель. Он не только далеко ушел в себя, не видит того, что стелется перед ним, смотрит внутрь своего сознания, но он еще выдает некоторыми неуловимыми чертами, формами и движением своего лица кое-что из этой глубокой, пленившей его мысли. Напряжение мускулов лба, поднявших вверх брови, расширенность век,—все это прежде всего свидетельствует о большой внутренней работе этой мысли, о том, что эта мысль серьезная, заставляющая вциться в себя, сковывающая весь организм на этом мощном внимании к себе.

Но если бы это были какие-либо математические вычисления, если бы это было какое-нибудь логическое построение, если бы это было стремление что-нибудь припомнить, — в таком случае лоб и брови никак не могли бы принять эту форму. Наоборот, такое сосредоточение чисто рациональной мысли непременно заставляет сжать лоб так, что на нем появляются вертикальные морщины, брови сближаются при этом и скорее нависают на глаза.

Наоборот, напряжение мысли, при таком центробежном движении мускулов лба, скорее свойственно общей задумчивости, поглощению процессом, который не требует участия сознательной воли. Это выражение лица человека, в котором происходит напряженнейшая психическая работа, но, так сказать, сама собою увлекающая личность, заставляющая эту личность забыть о себе самой. Такое выражение может быть у человека и при внешнем об'ективном внимании,—например, человек, стоя на берегу океана во время заката солнца, может иметь такое выражение. Он может иметь его, слушая какую-нибудь необыкновенно величественную музыку, но ведь именно в этом-то случае человек погружается в себя. Здесь же нам незачем предполагать ни музыки сфер, которая доносится до слуха ученого, созданного Синайским, ни игры бесконечной пелены волн, ибо ясно, что океан этот и музыка эта заключены в самом человеке. Это именно какой-то величественный и в своем величии несколько грустный и в то же время сладостный внутренний процесс, текущий сам из себя, как бы независимо от личности, укачал, унес эту личность и беспредельно ее пленил.

„Мечта", — сказал академик Иоффе. И правда, самое первое впечатление здесь именно такое—ученый и мечтатель. Но мечта предполагает обыкновенно нечто легкокрылое, какой-то полет воображения, какое-то неясное видение, какое-то неосуществленное желание. Здесь же дело идет совсем о другом. Я думаю, что Вильгельм Конрад Рентген, тот, которому природа выдала одну из своих величайших тайн, мог иметь в некоторых случаях именно такое выражение лица, но не тогда, когда он стоял за приборами в своей лаборатории, не тогда, когда он читал свои точные и строгие лекции студентам, не тогда, когда он обдумывал, как сформулировать и изложить те или другие найденные им истины.

Такое лицо он должен был иметь, когда от своих точных физических знаний он переходил к мысли о еще недоконченном здании нашего научного миросозерцания. Я бы озаглавил голову Синайского так: „Рентген, который думает о мире, о природе и жизни".

Вот в этих случаях, когда широкая могучая мысль вырывается из оков точного эксперимента и уже найденных формул, и когда она, подстрекаемая ими, получивши от них соответственный импульс, поднимается в царство гипотез, вслушивается в то, что подсказывает и сознание, и фантазия, вольная и в то же время напряженная, играющая уже добытыми истинами и комбинирующая из них великие своды, пока еще не надстроенные над циклопическими стенами нашей науки, — вот тогда является ученый, мечтатель такого типа, какой изображен Синайским.

Эта мечта совсем не греза с крыльями бабочки, совсем не танец воображения, дающий отдохновение и отрывающий от действительности, — это полет вперед, рискованная рекогносцировка в будущее науки и в глубину природы, рекогносцировка, из которой человек, с точки зрения науки, пожалуй, не приносит назад никакой ощутимой добычи, но из которой он возвращается всегда окрепшим. Здесь тот резервуар, из которого ученый черпает те ресурсы фантазии, воображения, которые потом неожиданно сказываются, как весьма полезная сила, за его приборами.

И не напрасно же Пуанкаре, — не тот, что с портфелем, а великий математик,— говорил о необходимости этой творческой фантазии для каждого подлинного ученого.

А. Луначарский.

Новые книжки Библ. „Огонек".

С настоящим номером журнала рассылается книжка рассказов **А. С. Серафимовича** (снимок справа)—„Лесная жизнь". А. С. Серафимович—один из старейших пролетарских писателей. Его имя известно не только в СССР, но и далеко за пределами Союза. Рассказы А. С. Серафимовича—переведены на много языков. Популярность талантливого и стойкого пролетарского писателя продолжает расти с каждым годом. Книжка А. С. Серафимовича издана Библиотекой „Огонек".

Вышла и рассылается с настоящим номером журнала книжка **Айен Хей**—„Заместитель", перевод с английского Е. Спекторской. Книжка читается с большим интересом. Издание — Библ. „Огонек".

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОХОД

Очерк *Родиона Акульшина.*

Послушайте мой рассказ и скажите потом, всегда ли выдумка сказки своими неожиданностями и героизмом богаче подвигов нашей трудовой, самой обыкновенной жизни.

2-го января из Архангельска в трехсотверстный путь вышли десять тракторов. Экспедицией, состоящей из тридцати человек, руководили не научные соображения, не ради состязания было предпринято трудное путешествие. Изыскание коммерчески выгодных условий лесозаготовок—вот что побудило Северный комбинат испытать пригодность трактора в наших северных условиях.

Осенью, в районе новой лесозаготовительной базы, в непроходимых, нетронутых чащах было приготовлено все необходимое для начала работ: построено общежитие для лесорубов на двести человек, контора, электрическая станция, гараж для тракторов, организован кооператив, установлена радиостанция для связи с Архангельском и Москвой.

До ближайшей деревни от новой базы тридцать шесть верст, до сплавной реки — двадцать. Производить доставку бревен при таком расстоянии конным способом нечего было и думать: стоимость леса страшно повысилась бы, отбила бы охоту у иностранцев вести с нами торговые операции, расстроило бы все наши хозяйственные планы. Нужно было приблизить лесные массивы к сплавным рекам, а это можно сделать только при помощи машины. Пришла зима с глубокими снегами, закипела работа в девственном лесу, повалились на снег вековые ели и сосны.

Тракторы перевозят лес на постройку электропередачи.

2-го мы тронулись в путь. Перед этим трактористы в течение двух с половиной месяцев слушали специальные курсы. Все эти люди в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет прекрасно знают о всех трудностях северных путей. Почти все они местные уроженцы, глубоко заинтересованные в хозяйственной мощи своей родины. Прибавьте к этому их молодость и здоровье,—при таких данных можно было отважиться на труднейшее путешествие. Все они, как один, дали обещание на параде в день отъезда:

— Что бы ни случилось, мы не вернемся с дороги, не достигнув цели. Пусть глубина снегов местами больше сажени, пусть нам грозит бездорожье, — мы должны пробиться сквозь всякие преграды, машина и человеческое терпенье должны восторжествовать над стихией.

Слово сдержано. Победа налицо. Тракторы прибыли в базу 29-го января. За вычетом пяти дневок, пробег занял 22 дня.

Со словом „пробег" человек представляет себе быстро мчащиеся машины по шоссейным дорогам. А мы радовались малейшему продвижению вперед. Шестьдесят пять процентов пути нам пришлось пройти без дорог. Двигались только днем, стараясь к вечеру добраться до какой-нибудь деревни. Низовые ветры наносили перед нами снежные сугробы, плотно припаивая снежную крупинку к крупинке. Мы разрушали снежные преграды, упорно пробивая передними машинами траншеи для прохода. Разбег в два аршина, удар по снежной массе, и вот уже отвоевано два вершка! Вершками мы измеряли наши достиженя. В начале пути многих втайне пугали сомнения: „Может быть, зря мы понадеялись на свои силы?", но вслух такие мысли стыдились высказывать друг другу. Непреклонная решимость, данное вслух обещание, самодисциплина, понимание значения трактора на лесозаготовках,—все это в трудные минуты путешествия спасало нас от отчаяния. В самом начале мы поставили за правило ни в коем случае не прибегать к посторонней помощи в несчастьях, и даже больше: каждый трактор должен был выходить из беды своими силами.

Молва о нашем походе летела далеко вперед. За десять верст от деревень выходили к нам навстречу старые и молодые, от деревни до деревни нас провожали громадные толпы. Мужики шли с лопатами, потому что никто сначала не верил в благополучный исход путешествия, никто не мог представить себе, как можно пробиться через полуторасаженные снежные заносы. Но участники пробега были верны своему слову: к помощи крестьянских лопат не пришлось прибегнуть ни разу. С каждой новой верстой пути все большей уверенностью и бодростью наполнялись сердца трактористов, все меньше мы слышали от местных крестьян уговоров вернуться назад. А когда было пройдено больше ста верст, совсем исчезло недоверие, сменившись восхищением перед выносливыми машинами.

— На этих можно до Мезени дойти, — говорили крестьяне.

— До полюса дойдем,—отвечал командор пробега, человек железной воли, Иван Григорьевич Прокофьев.

Через много лет, в долгие зимние вечера, когда за окнами плачет надрывно вьюга, старики расскажут своим внучатам не сказку, а быль о том, как они выходили встречать идущие по глубоким снегам машины.

Как забыть такую картину? Глухой лес. Ночь застала нас в пути. Верхушки сосен заслонили звезды. В колонне испортилось несколько фонарей. Запылали факелы. Вдруг в стороне гул. Все ближе и ближе. Слышен хруст шагов, и на дорогу выходит двести человек из ближайшей деревни. Удивлению и приветствиям нет конца. Пожилые люди плачут от умиления.

17-го января в Пинеге состоялся парад тракторов.

— Трактор—одно из орудий индустриализации страны, к чему в настоящее время стремится советская власть и партия. Механизация лесозаготовок увеличит наши лесные заготовки и торговлю с заграницей. Пионерами этого дела, впервые начинающегося не только у нас на Севере, но и во всем Советском Союзе, являетесь вы, товарищи трактористы. Пробег до Пинеги можно считать успешным. Все машины, несмотря на трудности пути, доставлены в полной исправности. Можно надеяться, что вы и впредь выполните свои обязанности так же блестяще.

Командор пробега, герой труда Иван Григорьевич Прокофьев.

Такими словами приветствовали нас местные власти, а командор пробега тов. Прокофьев заверил, что трактористы и в будущем выполнят свои обязанности.

— Трехсотверстный пробег на тракторах в тяжелых северных условиях — по узкой дорожке, по глубоким снегам, — несмотря на сомнения крестьянского населения, закончен. Все говорили: вам никуда не уйти, все равно вернетесь в Архангельск. Но этого не случилось. На нашу долю выпал такой пробег, подобного которому не знает наша история.

Два раза прошли стальные кони по улицам Пинеги.

А тракторист номера второго запряг свою машину в крестьянские сани, привязал вожжи к рулю, пустил машину, сел на сани, поехал, кнутом машет, за вожжи подергивает.

На следующий день в Доме Крестьянина в честь участников пробега был организован товарищеский обед. Трактористов угостили кислыми щами, котлетами, пивом по две бутылки на человека. А потом до четырех часов плясали и пели.

Молодые люди заслужили отдых после невероятно тяжелого пути, пройденного больше чем на две трети.

29-го января тракторы прибыли на место своего назначения.

Я рассказал вам сотую долю того, чего был очевидцем. Если вы представляете величие этого похода, скажите, всегда ли сказка увлекательнее действительности?

Родион Акульшин.

Триста верст на тракторах по глубоким снегам прошли эти товарищи.

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Юмореска *Б. Левина.* Рисунки *К. Ротова.*

В коммунальной парикмахерской было много народу. Парикмахеры в белых халатах, выкрикивая „следующий“, ловко разламывали хрустящие пакеты стерилизованных кисточек и густо намыливали хлопьями пены щеки и подбородки бреющимся. Посетители, ожидающие свою очередь, просматривали иллюстрированные еженедельники, курили и нервничали. Им все казалось, что кого-то стригут, кого-то бреют вне очереди. Каждому из них мерещилось, что его очередь давным давно прошла, а он сидит здесь, как дурак, и только зря время теряет.

Заведующий парикмахерской, с костылем под левой мышкой, в сером костюме от Москвошвея и синем галстуке с красными точками, трясогузкой прыгал меж посетителями, брызгал в них улыбками и успокаивал:

— Граждане, не волнуйтесь,—всех побреем, всех причешем.

Посетители на него смотрели с презрением и злобно молчали. Из мужского отделения заведующий прыгал в дамское. Давал какие-то распоряжения мастерам, улыбался посетительницам и успокаивал:

— Гражданочки, не кирпичитесь,— всех побреем, всех причешем.

Посетительницы от злобы фыркали и отворачивались. Некоторые из них возмущенно говорили: „Надоели эти плоские шутки“. Но заведующий не слышал и прыгал уже дальше. Проходя мимо раздевальни, которая отделяла мужское отделение от дамского, он всякий раз глядел на ременную браслетку своих часиков. На этот раз он то же самое сделал и сказал стоявшему у вешалки швейцару:

— Иван Степанович, пора закрывать, без четверти семь. И, когда Иван Степанович собрался уже вывесить плакат „закрыто“, в парикмахерскую вошел человек в барашковой шапке и телячьей куртке, и робко спросил:

— Еще не поздно?

У Ивана Степаныча есть два голоса: один тихий и нежный — это для „аккуратных“ посетителей, которые хорошо одеты и всегда оставляют гривенник в его ладони, и другой голос—неприветливый и жестокий, напоминающий лай собаки. Именно вторым голосом и встретил Иван Степанович вошедшего: — Видите, закрываем.

Но заведующий, пристально вглядываясь в лицо человека в телячьей куртке, подпрыгнул к нему, протянул руку и произнес:

— Кажись, товарищ Щуплов? Здравствуйте.

— Да, — ответил нерешительно вошедший, разглядывая заведующего.

— Неужто уж так изменился? Не узнаете? Нуте-с, вспомните-ка, кто у вас был в полку парикмахером? Помните Матвеева? Это мы и есть его собственной персоной. Вспомнили?

— Признаться, если бы вы не напомнили, ни за что...

— А ведь мы с вами больше года пробыли в полку. Иван Степанович...

Иван Степанович проговорил первым голосом:

— Пожалуйте-с,—и повесил на вешалку куртку Щуплова.

— Вы где сейчас? Чем завинчиваете? Я вот уже третий месяц заведываю парикмахерской. Волокиты, возни хоть отбавляй, сам не рад,—быстро проговорил заведующий и широким жестом пригласил Щуплова в ярко освещенную залу.

Щуплов вошел и увидел в трех зеркалах заросшее черным каракулем лицо свое и непричесанные взлохмаченные волосы.

— Евгений Николаевич, прошу,—сказал заведующий, стоявший возле кожаного кресла и уже одетый в белом халате.

Щуплов сел. Заведующий крикнул — „прибор“.

Все это произошло так быстро, что посетители, ожидающие свою очередь, заметили происшедшее, уже когда из-под серебряных ножниц заведующего падали черными лоскутами волосы.

Они заволновались.

— Что за безобразие!

— Мы тут сидим по часу!

— Чорт знает, что такое!

— Где у вас жалобная книга?

Но заведующий, казалось, их и не слышал, так он увлекся воспоминаниями.

— Помните, под Ганнушками окружили нас. Еще тогда батальонного Портсыданова убили, но зато и всыпали же мы им через два дня, когда подошла Смирновская дивизия... А помните гнедого коня вашего? Хороший конь. Курьерский поезд...

— Гражданин заведующий, вне очереди стричь не имеете права!

— Так этого дела не оставим, — жаловаться будем.

— Обязательно жаловаться...

Волновались посетители. Но заведующий их и не слышал:

— А помните, товарищ Щуплов, бой под Болхунами. С утра как зажарили они с орудий, я тогда на краю деревни стоял. Хорошие хозяева попались, все морковными пирогами кормили. Как заслышал трескотню, бросился в штаб, а по дороге встрелась древняя старушка, идет и спрашивает меня: „Кавалер, а кавалер, с кем это война—с турками, что ли?“—Типы же попадались... Причесываете волосы наверх или пробор? Потеха... А в станице Крымской тоже попался субчик в пиджачишке и при галстуке. Нас квартирьер Сазонов, може помните, ему еще ногу оторвало под Торговой... Вот нас этот Сазонов, штабных семь человек, приводит в одну горницу и говорит: „Здесь размещайтесь“, а тип этот в пиджачишке и при галстуке стоит посредине и воет: „Невозможно. Не пущу, где же я буду с женой, чорт возьми!“ Тут мы, конечно, на него и вз'елись. Вот, значит, каким делом ты занимаешься, мы все время в боях... И отвел его Сазонов в штаб... А вот на станции... Чорт, как она называется, — меж Новороссийском и Краснодаром. Узловая, большая станция.

— Кавказская?—спросил Щуплов.

— Нет... Чорт возьми, и на языке висит, а забыл.

Кто-то из посетителей сказал—Тоннельная. Но другой же посетитель возразил:

— Что вы, что вы. Тоннельная возле Новороссийска. Я эти места хорошо знаю, наша 9-я армия там проходила.

— Ну, разве вы были в 9-й? В какой дивизии?—спросил рядом с ним сидящий посетитель.

— 34-й дивизии...

— А я в 31-й. Соседи. Хорошая была дивизия.

— Лучше нашей 3-й дивизии, пожалуй, во всех армиях не было... Мы, когда были на польском фронте...

— Тихорецкая, — вспомнил заведующий... Одеколоном? И вот на этой самой Тихорецкой... Пудры, прикажете? Да-а, и вот на этой самой Тихорецкой...

Но его никто уже не слушал. Во всех углах парикмахерской говорили все сразу. И даже извивающиеся белые парикмехеры вспоминали лошадей, командиров и многочисленные станицы, деревни и города. И казалось смешным слышать от человека с выпирающим животом из-под вязаного разноцветного жилета и лысиной, желтеющей, как голландский сыр... Казалось смешным, когда этот глубоко штатский человек поправлял роговые очки и говорил:

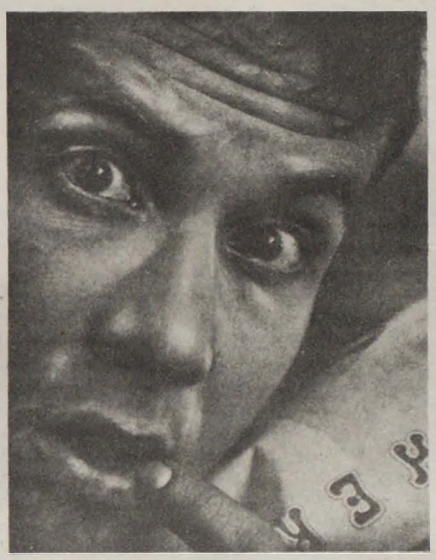
— Я тогда был начальником полковой разведки партизанского отряда...

Б. Левин.

„ВИКТОРИНА"—НОВАЯ ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА"

Серия десятая: «МОСКВА или КАИР».

1. Что южнее—Камчатка или Ленинград?
2. Кто из авиаторов первым начал делать мертвые петли?
3. В какой из европейских столиц всегда больше всего безработных?
4. Кто автор знаменитого памятника Петру I в Ленинграде?
5. Что такое мул?
6. Где больше жителей—в Лондоне или в Швеции?
7. Существуют ли в Москве два дома с одинаковым числом жителей?
8. Позируя перед фотографическим аппаратом, вы держали книгу в правой руке. В какой руке она будет на фотографии?
9. Говорят: «лезть на рожон». Что такое рожон?
10. В чем заключается работа метранпажа?
11. Кто такая Женни фон-Вестфален?
12. Из каких двух растений можно приготовлять сахар?
13. Вспомните фамилию царского министра, которого называли «Ванька-Каин».
14. Кого из деятелей Великой французской революции называли неподкупным?
15. Какая живопись называется батальной?
16. Какая иностранка награждена у нас орденом Красного Знамени?
17. В каком произведении мировой литературы известная фраза: «Оставь надежду всяк, сюда входящий»?
18. Какой фантазер после свидания с Лениным назвал его «утопистом»?
19. Существуют ли в СССР чайные плантации?
20. В какой жидкости железо не тонет?
21. Что называют Океанией?
22. В каком замечательном произведении конца средневековья была впервые изобличена паразитическая жизнь монахов?
23. Какое неприятное насекомое воспето в балладе и кем?
24. Какой подзаголовок носит «Капитал» Маркса?
25. Что движется быстрее—пуля из винтовки или звук выстрела?
26. Какую библию не любят читать верующие люди?
27. Что случилось в Москве в день убийства в Ленинграде тов. Урицкого (30 августа 1929 г.)?
28. Что называется «польским коридором»?
29. Какая самая большая библиотека в Европе?
30. Кто официально возглавляет в данное время польское государство?



„Какого же цвета новорожденный негр?"— Актер Игорь Ильинский за „Викториной". Фот. С. Фридлянда.

31. Как кончается «Коммунистический Манифест»?
32. В какой республике, кроме советских, существует система кантонов?
33. Укажите, какая газета в СССР имеет самый большой тираж.
34. Назовите фамилию ученого и поэта, пробывшего 25 лет в одиночном заключении.
35. Назовите русский роман, за чтение которого было больше всего преследований.
36. Какое животное может жить 300 лет?
37. Где впервые в русской литературе Петербург назван Петроградом?
38. Какого цвета новорожденный негр?
39. Кому принадлежит фраза «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»?
40. Когда в мороз дует ветер, понижается ли ртуть в термометре?
41. Что восточнее—Москва или Каир?
42. Здание какого учебного заведения революция сделала историческим?
43. Могли ли Пушкин и Гоголь фотографироваться?
44. Почему яблоко при печении сморщивается?
45. Как далеко могут быть слышны раскаты грома?
46. Можно ли при взгляде на выключатель сказать, включен ли ток?
47. На каком языке говорит наибольшее число людей?
48. Чем отличается бег от ходьбы?
49. Какая пьеса кончается словами: «Вот злонравия достойные плоды»?
50. В какой стране невозможно стрелять из крупных орудий?

ОТВЕТЫ К ДЕВЯТОЙ СЕРИИ „ВИКТОРИНЫ"

1. В Бостоне.
2. От названия вымышленного острова „Утопия" в фантастическом романе Т. Мора.
3. 34.
4. Лед легче воды. Поэтому, образуясь, он немедленно всплывает на поверхность. Кроме того, от давления верхних слоев воды точка замерзания понижается и вода остается в жидком состоянии.
5. Роберт Пири в 1909 г. Затем авиатор Бирд (за 2 недели до Амундсена)
6. Во Франции.
7. В воде (как в более плотной среде).
8. Членов французской Академии.
9. 39 [родился 27 сентября (ст. ст.) 1888 года].
10. Два способа регулирования качества зерна при хлебозаготовках. „Бонификация"—это надбавка крестьянину за меньшую против нормы сорность, „рефакция"—вычет за большую сорность.
11. Восемь.
12. В Кабардино - Балкарской области (РСФСР).
13. Потому что керосин, как более легкий по удельному весу, всплывает и горит на поверхности воды.
14. Багдадской (Берлин — Белград—Багдад).
15. 11.000.
16. По этому шоссе—бывшей Владимирской дороге („Владимирке") — гнали на каторгу политических ссыльных.
17. Татарского.
18. Каракуля.
19. Одно из значений слова „белуга"—название гудка на речных пароходах.
20. Гильотину.
21. Из нефти.
22. Бисмарка.
23. В 162,4 раза.
24. „Что делать?" (с романом Н. Чернышевского).
25. Волга.
26. В дни Октября—комендант Смольного.
27. С.-х. машина (зерноотборник).
28. Курорт Красная Поляна, Сочинского района.
29. 22 декабря.
30. П. Лавров.
31. Двадцать три.
32. Писателя Панаита Истрати.
33. Три: японский, „император Индии", он же английский король, и абиссинская императрица.
34. Либерия (Африка) и Гаити (Сев. Америка). Обе под протекторатом САСШ.
35. Увеличивается поверхность охлаждения.
36. Имени академика И. П. Павлова.
37. Вильгельм - Конрад Рентген.
38. Белое, Черное, Красное, Желтое.
39. Лживый, ложный.
40. Академия избрала М. Горького почетным академиком, а царь аннулировал это избрание.
41. Рейкьявик.
42. 1) Обслуживающее лицо в поездах, трамваях и т. д., 2) часть электромашины; 3) унтер - офицерский чин в царском флоте.
43. Великая Китайская.
44. Джон Рид.
45. На Куре.
46. Щепкин.
47. Лафонтен (Крылов только перевел ее с французского).
48. Царевич Алексей, сын Петра I.
49. Стремление охранить родной язык от иностранных засорений.
50. Адамово и глазное яблоки.

ГОРОД — ДЕРЕВНЕ

Фот. Н. М. Цымбалова.

Распределение мануфактуры со склада Матвеево-Курганского О-ва потребителей мелким кооперативам Таганрогского округа.

Крестьяне за покупкой сельскохозяйственных орудий в Таганрогском округе.

Крестьяне на складе Селькредит союза в Кокчетове, Акмолинской губ., выбирают машины.

К ВЕСЕННИМ ПОСЕВАМ

Крестьянский обоз с посевным материалом

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК". Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника — воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56 и 4-67-16. Отд. Распростр.—5-51-69. Московская Контора и Городская экспедиция — 1-28-19 и 1-28-20. Рекламный отд.—3-91-48. Бюро иногородних об'явлений — 4-64-40. Адрес для телеграмм — Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБ'ЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 1.800 р., строка нонпарели — 8 р., сверх тарифа — 10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928-й г.: „ОГОНЕК" без приложений — 10 мес. (с 1-го марта) — 3 р. 95 к., 6 мес. — 2 р. 40 к., 3 мес.—1 р. 20 к. и 1 мес.—40 к. „ОГОНЕК" с прил. Библиотеки „Огонек": 10 мес. — 11 р. 25 к., 6 мес. — 7 р., 3 мес.— 3 р. 75 к. и 1 мес. — 1 р. 40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК" без приложений: 10 мес.—2 д. 85 ц., 6 мес.—1 д. 75 ц., 3 мес.—90 ц. и 1 мес.—30 ц. „ОГОНЕК" с приложением Библиотеки „Огонек": 10 мес. — 8 д., 6 мес. — 4 д. 60 ц., 3 мес. — 2 д. 40 ц. и 1 мес. — 90 ц. Отдельный номер „Огонька" — 8 ц.

Главлит № А.7.624 Офсет-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК", Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 400.000

100 КИНО-ТЕАТРОВ РСФСР

с 14 марта 1928 года

ДЕМОНСТРИРУЮТ

Революционный БОЕВИК „ОКТЯБРЬ“

Сценарий и постановка С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА и Г. АЛЕКСАНДРОВА

Главный оператор Э. ТИССЕ

Производство Акц. О-ва „СОВКИНО“.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37, Тел. 3 04-44

К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

ВСЕ для СПОРТА для ПИОНЕРОВ

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и СНАРЯЖЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч.

Палатки рабоч., санитарн., лесные и пионерские.

Полный катал. выс. за 8-коп. марку.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА

ПОДАРОК молодым ХОЗЯЙКАМ по **Ел. МОЛОХОВЕЦ.** Цена 1 р. Высылка любых книг по всем отраслям знания.

МОСКВА, **Политехнич. музей.** Пом. 123|0.

Гос. Конт. „Трансреклама“. (Книжный отдел).

Гитары: 18, 24, 29, 35, 50, 75 руб. и дор.

МАНДОЛИНЫ: итальянские: 18, 25, 43 и 75 р.

БАЛАЛАЙКИ: 5, 6, 8.50, 12, 15, 25 р. и дороже.

БАЯНЫ от 250 до 1000 р.

ПОЛУБАЯНЫ: 120 и 140 руб.

ВЕНКИ двухрядны: 47, 63, 100 р. и дороже.

САРАТОВСКИЕ от 15.50 до 27 р.

ГРАММОФОНЫ от 60 до 150 р.

Задаток 25%. Упаковка и пер. за счет заказчиков.

Госуд. почт.-пос. предприят. **УНИВЕРПОЧТ.**

Москва — Центр, Москворецкая ул., д. № 24/0.

Общий прейс-курант — 30 коп.

НОВЫЕ КНИГИ

АМНИСТИЯ

к десятой годовщине Октябрьской революции с приложен. инструкций, циркуляр., раз'яснен. и коммент. проф. А. Трайнина. Ц 75 к.

В УГОЛОВНОМ СУДЕ

ИЗ ЗАПИСОК ЗАЩИТНИКА (1922—1927). И. Браудэ. С предисловием зам. предс. Мос. Губсуда Г. Сегала. Содержание книги: I. Обезображение жены. II. Преступление прокурора. III. Выстрел в темноте IV. Убийство или самоубийство. V. Убийство Марка. VI. Убийство Яковлева. VII. Дело двух студентов. VIII. Убийца ли отец. IX. Деревенская жуть. X. Загадочный случай. XI. Расстреляйте меня.

Цена 1 р. 75 к.

Иногородн. высылается налож. плат.

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

Москва 34, ул. Кропоткина, 17/1.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА ЛАБОРАТОРИИ Кооперативного Т-ва **„ЭЛЭМ“**

МОСКВА, Тверская 15.

Порошок для моментального уничтожения волос

„Депилаторий W. M.“

Банка 1 р. 75 к., 3 р. 50 к., для физкультурников б. б. 8 р. 50 к. **Россетерский восстановитель** постепенно возвращает СЕДЫМ волосам их прежний цвет. Флакон 2 р. 75 к. Чернила для несмывающейся черной метки белья—1 р. и 4 р.

ПРОДАЖА В АПТЕКАХ, МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ и УНИВЕРМАГАХ.

Высыл. только по получ. половины стоимости. Пересылка за счет заказчика.

МАЛУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ

по **МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОФДВИЖЕНИЮ** с предислов. А. Лозовского, в роскошн. перепл., свыше 200 илюстр., цена 6 р. 75 к., в картонном футляре, а также и **любую книгу** по всем отраслям знания высылает наложен. платежом в 3-х дневн. срок Отд. Почт. Отпр. КН. МАГАЗИНА ВЦСПС. Москва, Кузнецкий мост, 20.

УЧИТЕСЬ

грамотно писать по-русски по книгам:

„СБОРНИК УПРАЖНЕНИЙ“ для самостоятельного изучения русского **ПРАВОПИСАНИЯ Н. Логутова,** изд. 3-е, цена 1 р. 20 к.

„ПИШИ ГРАМОТНО“ Таблицы правописания **Д. Введенского,** изд. 3-е. ц. 60 к.

Высылает Изд-во Коммуниверситета им. Я. М. Свердлова. МОСКВА 55. Миусская пл., 2. Комн. 107б.

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ

„ПОЛИГЛОТ“

Ростов н/Дону, (сущ. с 1917 г.), сост в вед. С.-К. КрайОНО.

ПРЕДМЕТЫ: бухгат. (общ., фабр.-зав., банковск.) копиручет „Дефинитив“, ком. выч., корресп. делопроизв., стеногр., копр. почерка, маш.-строит. и архит. чер., рисован. Требуйте БЕСПЛАТНО проспект и условия.

Плата от 1 до 3 р. в месяц.

На курс. обуч ЗАОЧНО свыше 23.000 учащихся.

ХУДОЖ. ПОРТРЕТ

увелич. с карточки или любое лицо. из группы **в роскошн. паспарту** Высыл. через 2 недели по получен. фотогр. карточки или группы. 18×24 см. — 5 р., 24×30—7 р., 30×40—10 р., 40×50—13 р., 50×60—20 р., тон сепия (коричн.) на 20% дороже. Заказы выполн. налож. платеж. без задатка. Карточки возвр. в целости. Москва, почт. ящ. 646. Худож.-фотогр. **ВОИНОВА.**

КНИГИ по

УГОЛОВНОЙ ТЕХНИКЕ

Тайна преступника и пути к ее раскрытию Г. Шнейкерт, ц. 60 к.

Уголовная техника. Из мастерской уголовн. розыска Р. Гейндль, ц. 90 к.

Искусство раскрытия преступлений и законы логики, Э. Анушат. ц. 1 р.

Производство дознаний и предварительных следствий. Практическое пособие в вопросах и ответах, В. Громова, ц. 1 р. 40 к.

Обвиняемый, его обязанности и права, М. Гродзинский, ц 1 р. 50 к.

Дрессировка служебно-розыскн. собак. И. Крылов, ц. 1 р. 35 к

Иногородним высылается наложенным платежом.

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

Москва 34, ул. Кропоткина 17/1

НОВАЯ КНИГА

САМОУЧИТЕЛЬ

кройки МУЖСКОГО платья

с 73 рисунками и чертежами.

Цена 1 руб. 80 коп., с пер. 2 руб. МОСКВА, ул. Герцена 22/25.

Книжный склад „КНИГОВЕД“

НОТЫ

для фортепиано, скрипки, виолончели. САМОУЧИТЕЛИ для гитары, мандолины, гармонии, балалайки.

Высылаем налож. платежом МОСКВА **Политехническ. музей** Пом. 123/0.

Госуд. Конт. „Трансреклама“ (Нотный отдел)

Ликеры ром коньяк

настойки и наливки

КАЖДЫЙ ПРИГОТОВИТ САМ из русской водки РАСТВОРИВ ТАБЛЕТКИ

Высылается набор на 12 бут. по получ. перевода 3 р. 60 к. или налож. плат.

ОПТОМ СКИДКА

В НЕЙ АРОМАТИЧНЫЕ „Воп дойт“.

Тех. хим. лабор. И. П. Даугавет МОСКВА СОЛЯНКА 2 1.

ВЫСЫЛ. ПРОСПЕКТ ЗА 8 КОП. МАРКУ

ЛЮБУЮ КНИГУ

высылает наложен. платежом

в 3-х дневный срок

Почтовый Отдел Из-ва **„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“**

МОСКВА — Центр, Моховая, 24, Отд. 3.

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

словарь литератури. терминов

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА: литератора, ученого, педагога и всякого образованного человека. Составлено при участии **Н. Л. Бродского, В. Я. Брюсова, В. В. Вересаева, Л. П. Гросмана, П. С. Когана, М. Фриче** и др. видных деятелей литературы. Два законченных тома, 600 стр. убористой печати. Ц. за оба тома в перепл. 5 р. с пересылк. Высылает книжный магазин **Книгосоюза**

МОСКВА, Центр, Моховая ул., 20/0, налож плат., при задатке в 25% стоимости заказа (можно почтов. марк.).

НУЖНЫЕ НОВЫЕ КНИГИ

Все книги высылает немедленно

ОСКИЙ. Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту—1 р. 25 к. **ОРЛОВСКИЙ.** Половая слабость мужчины.—1 р. 35 к. **ЛЕВЕНТОН.** Фармакопея для рецептурн. практики, 28 г.—1 р. 95 к. **СПУТНИК ФАРМАЦЕВТА.** 28 г.—3 р. **ЯКОБЗОН** Онанизму мужчин и женщин.—2 р. 50 к. **ЯКОБЗОН.** Половая холодность женщины, 2 р. 25 к. **МЕДИЦИНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ** на 28 г. В пер. с доб.—2 р. **СТРОГАНОВ.** Важнейшие осложнения беременности и родов. 1928 г.—3 р. 45 к. **РОЛЕДЕР.** Физиология и патология полового акта.—1 р. 70 к. **КНЕЙП.** Мое водолечение.—1 р. 25 к. **ФОРЕЛЬ.** Гипнотизм или внушение и психотерапия.—2 р. 50 к. **ДЕМБСКАЯ.** Гигиена женщины, уход за здоровьем и красотой.—1 р. 50 к. **БЕЛЬШЕ.** Любовь в природе. История развития любви. В 3 частях.—2 р. 50 к. **ФОРЕЛЬ.** Половой вопрос, 2 тома, 28 г.—4 р.

ВЫШЕЛ КАТАЛОГ

5.000 назв. по медиц. ветерин. и естествозн. при зак. БЕСПЛАТНО. Выславшие деньги вперед за пересылку не платят.

МОСКВА, Центр, Моховая, 15/Г.

Книжный магазин „НАУКА“.

Тариф об'явлений в «ОГОНЬКЕ»: 1 страница —1800 р., 1 строка нонпарели—3 рубля. Сверх тарифа налог 10%

С этим №-ром по 1-му абонементу подписчикам „ОГОНЬКА“ рассылается книга 5-й Полного Собрания Художеств. Сочинений Льва Толстого. По 2-му абонементу—книжки Библиотеки „ОГОНЕК“: А. СЕРАФИМОВИЧ—„Лесная жизнь“, АЙЕН ХЕЙ—„Заместитель“. По 3-му абонементу—5-я книга Л. Н. Толстого и 2 книжки Библиотеки „Огонек“: А. Серафимович и Айен Хей.

Следующая 6-я книга сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО (вторая за март) будет рассылаться ТОЛЬКО ТЕМ ПОДПИСЧИКАМ, которые внесли ВТОРОЙ ОЧЕРЕДНОЙ ВЗНОС.

При отсутствии второго очередного взноса, подписка на сочинения Л. Толстого АННУЛИРУЕТСЯ и ВОЗОБНОВЛЯТЬСЯ НЕ БУДЕТ.

ГОСИЗДАТ

Максим ГОРЬКИЙ

К 60-летию со дня рождения

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ** в 36-ти книгах (20 томах)

18 книг выходят в 1928 г. (первая книга выходит в апреле), **а 18 книг в 1929 г.**

Это издание распространяется только по подписке и в качестве приложения к журналам и в розничную продажу не поступит.

Продолжается подписка на журналы:

ЭТО ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ДАЕТ ГОДОВЫМ ПОДПИСЧИКАМ **КРАСНАЯ НОВЬ**

КРАСНАЯ НОВЬ

ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал.
Под редакцией Вл. ВАСИЛЬЕВСКОГО, Всев. ИВАНОВА, Ф. РАСКОЛЬНИКОВА и В. ФРИЧЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на год—16 р., на полгода—9 р., на 3 месяца—4 р. 50 к.

2-й АБОНЕМЕНТ—с приложением полного собрания сочинений МАКСИМА ГОРЬКОГО в 36 книгах на год—34 р. с перес.

3-й АБОНЕМЕНТ—с приложением собрания сочинений Всев. Иванова в 5-ти томах на год — 23 руб. с пересылкой.

ЧИТАТЕЛЬ и ПИСАТЕЛЬ

еженедельник литературы и искусства.
Отв. редактор С. Ф. ВАСИЛЬЧЕНКО.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на год—4 руб., на полгода—2 р. 20 к. Цена отдельного номера—10 к.

2-й АБОНЕМЕНТ—с приложением полного собрания сочинений МАКСИМА ГОРЬКОГО в 36 книгах на год—22 руб. с пересылкой.

3-й АБОНЕМЕНТ—с приложением полного собрания сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО в 15-ти томах на год—18 руб. с пересылкой.

4-й АБОНЕМЕНТ—с приложением собраний сочинений М. Горького и Л. Н. Толстого на год—36 р. с перес.

ЭТО ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ДАЕТ ГОДОВЫМ ПОДПИСЧИКАМ **Читатель и Писатель**

Лица, подписавшиеся на журнал с собранием сочинений М. Горького и не возобновившие подписку на журнал в 1929 году, доплачивают дополнительные расходы, связанные с пересылкой вторых 18-ти томов М. Горького.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ в Главную Контору периодических изданий Госиздата—Москва, центр, Рождественка, 4. Тел. 4-87-19, а также во все магазины и отделения Госиздата и почтово-телеграфные конторы.

Полный настольный СЛОВАРЬ

иностранных слов.

НЕОБХОДИМ при чтении, литературных и научных занятиях. Около 12.000 слов, с 212 рис. Цена с пересылкой в пер 3 р. 75 к., без пер. 3 руб.

ВЫСЫЛАЕТ Книжный магазин **КНИГОСОЮЗ** МОСКВА, Мохов. ул., д. 20/6. наложенным платежом при задатке в 25 проц. их стоимости (можно почт. марк.).

ВНИМАНИЮ КУРЯЩИХ

ГИГИЕНИЧЕСКИЕ МУНДШТУКИ **„АНТИНИКОТИН“** очищающие табачный дым от вредного яда—никотина—способом, рекоменд. немецким проф. **Гейнц-Герман.** Исследованиями, произведенными государственными лабораториями, выяснено, что препарат **„Антиникотин“** поглощает до 92,3% никотина, обезвреживая куренье до минимума. 25 папирос, выкуренных с мундштуком **„Антиникотин“**, приносят меньше вреда, чем 3 папиросы, выкуренные без этого мундштука. Вкус и аромат остаются без изменения. ЦЕНА курительного прибора с принадлежностями и запасом антиникотин. препарата—2 р. 50 к.

ТРУБКИ „АНТИНИКОТИН“ со всеми принадлежн. 4 р. 50 к. **КИСЕТЫ** резиновые для табака, штуца — 75 к.

Оптовикам скидка 10%. Заказы выполн. по получ. полов. стоим. (можно почт. марк.). Адресов. Москва, 703, почт. ящ. № 684.

провизору Я. М. ДРЕЙЗИНУ.

Спец. лечен. **ВОЛОС** (выпадение, перхоть и пр.), **УГРЕЙ**, пятен и др. **КОСМЕТ.** недостатков кожи. Эл.-светолеч. Горн. Солнц. **Д-р М. КАТЦЕН.** Тверская, д. 62, кв. 3.

ПОЧЕРК

самый плохой можно исправить и научиться красиво писать: 1) по книжке **„Исправление почерка“**,—60 упр., 64 стр. Цена 1 руб.; 2) по НАВОДНЫМ ТЕТРАДЯМ, в которых все прописи напечатаны слабой голубой краской, поверх которой ученик пишет чернилами. Весь курс в 3-х тетрадях—1 руб. 50 коп.; 3) каллиграфию изучайте по книжке **„КАЛЛИГРАФИЯ“** — 113 упр., 64 стр. Цена 1 р. 20 к. Обе книжки с 3-мя тетрадями высыл. по получ. 3 р. 50 к. или наложен. платежом на 4 р. Одна книжка с тетрадями по получ. 2 р. 50 к., или с нал. платеж. на 2 р. 85 к. Адресов. автору: ЛЕНИНГРАД 28, Кирочная 2. Д. А. Писаревскому.

СПУТНИК **РЫБОЛОВА**

УДИЛЬЩИКА Рождественский. С рис. Ц. 1.85 к.

СПУТНИК ОХОТНИКА Рахман. и Керцелли 315 стр. 1 р.

Бобринский. **ОХОТНИЧЬИХ** Определитель и промысл. зверей, с 61 рис. 1.50 к.

Житков. Биология лесных **ЗВЕРЕЙ и ПТИЦ** (пром. охотн. и пр.) 264 стр. 2 р. 25 к.

НАБИВКА ЧУЧЕЛ Залесский, с 69 рис. и 5 табл. 95 к.

СЪЕМКА и ОПРАВКА ПУШНЫХ ШКУРОК руков. Федосеева, с 113 рис. 1 р.

Высыл. нал. пл. без задатка. Москва 9, „СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ.“ Ул. Огарева 3/о.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ (ГОССТРАХ)

СТРАХОВАНИЕ—ЛУЧШИЙ СПОСОБ САМОПОМОЩИ!

Страхование жизни дает застрахованному: а) сбережение на старость б) обеспечение семьи на случай его преждевременной смерти.

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЗАСТРАХОВАННОГО—страховая сумма выплачивается **НЕМЕДЛЕННО.**

СМЕШАННОЕ СТРАХОВАНИЕ

Страховые взносы вносятся до определенного срока, но не далее смерти застрахованного. Страховая сумма выплачивается **немедленно после смерти** застрахованного или при дожитии застрахованного до обусловленного срока.

Если застрахованный умирает от несчастного случая через год и позже после заключения страхования, то капитал выплачивается **в двойном размере.**

При потере, после несчастного случая, трудоспособности не менее 30%, страхователь **освобождается от дальнейшей уплаты премии** и, кроме того, при инвалидности не менее 50%, **выдается часть или вся застрахованная сумма,** в зависимости от степени инвалидности.

Извлечение из тарифа премий (взносы):

Возраст.	Страхование жизни заключено на: 10 лет	15 лет	20 лет	25 лет	30 лет
	Годичные взносы за каждые 1000 р.				
20 лет	97 р.	62 р.	45 р	36 р.	31 р.
30 „	98 „	63 „	47 „	38 „	33 „
40 „	101 „	67 „	52 „	45 „	40.50
50 „	108 „	77 „	64 „	58 „	55 р.

Допускается месячная рассрочка взносов.

Страхование жизни принимается во всех местных конторах и агентствах Госстраха и в Трудсберкассах. ◇ Адрес правления Госстраха: МОСКВА, Ильинка, 14.

Рекламный Отдел „ОГОНЕК“ Москва Страстной бульвар 11.